

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ИЗ ШПАНЫ
В ПАХАНЫ

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов
Из шпаны – в паханы
Серия «Деньги на стол, господа!»
Серия «Рожденные
революцией», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184400
Евгений Сухов. Из шпаны – в паханы: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36889-1*

Аннотация

1922 год. Разруха и беззаконие. Советская Россия приходит в себя после разорительной Гражданской войны... В Казани, славящейся своими удалыми бандитами, появляется шайка, именующая себя жиганами. Законы Советской власти им побоку, принципы воров старой закалки – не указ. Им вообще никто не указ. Жиганы нагло грабят банки, палят в людей почем зря, лихо расправляются с неугодными, никого не жалеют. Главарь банды, молодой налетчик по кличке Рекрут, вот-вот подомнет под себя весь город, да и маловато ему уже одной Казани – пора Москву к рукам прибирать... Всем успели насолить жиганы: чекисты открыли охоту на бандитов, старые урки позвали на подмогу столичных блатарей. А это уже война. Но Рекруту хоть бы хны –

на то он и жиган, чтобы от шальных пуль увертываться да из огня
живым выходить...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЖИГАНЫ ИЗ КАЗАНИ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

96

Евгений Сухов

Из шпаны – в паханы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЖИГАНЫ ИЗ КАЗАНИ

Казань. Банк «Гофман и сын» на Поперечной

– Лежать! Лежать, я сказал, сучье отродье!

Мерзко и тошнотворно пахнувшее пороховой гарью дуло «нагана» ткнулось в лоб невысокому розовощекому мужчине с прилизанными на прямой пробор черными волосами. Он испуганно моргал и никак не мог понять, чего именно хочет от него стоящий напротив жиган.

Терпение Рекрута иссякло. Он коротко замахнулся и ударил розовощекого рифленой рукояткой по лицу. Кровь брызнула из разбитого носа на руки жигана, и он поспешил шагнуть назад. Мужчина повалился к его ногам, как подкошенный, и тихонько заскулил.

Рекрут грозно оглянулся. Все остальные сотрудники банка, а их было шестеро, уже покорно лежали на полу, заложив руки на затылок. Посетителей в «Гофман и сын» в это время уже не было. Жиганы явились с визитом аккурат после закрытия.

– Где он? – Рекрут обернулся на своих поделщиков.

Паленый, молодой паренек, облаченный в серое мешковатое полупальто и надвинутый на самые глаза такого же оттенка картуз, стоял рядом с выходом, заслоняя двери своей не шибко габаритной фигурой. Рядом с ним занял заранее оговоренную позицию Витя-Солоух. Сжимая оружие двумя руками, он монотонно водил им из стороны в сторону, стараясь не упустить из-под прицела ни одной потенциальной жертвы. Маленькие поросычьи глазки Солоуха на широком, побитом оспой лице азартно блестели, и Рекрут несколько не сомневался, что Витя спустит курок при первой же необходимости. Но знали ли об этом сотрудники банка? Вполне возможно, что догадывались...

– Ну?

Рекрут требовательно посмотрел на стоявшего по правую от него руку Резо. Грузин щеголял в кожанке на чекистский манер и никогда не носил головного убора. Его черные вьющиеся волосы доставали почти до плеч. При такой гриве картуз Резо попросту не требовался.

Резо только кивнул в ответ, стремительно перешагнул через корчившегося на полу мужчину и приблизился к другому человеку, в дорогом двубортном костюме. Ухватил его за шиворот и рывком поднял на ноги. Тот испуганно заслонил лицо обеими руками, словно ожидая неминуемого удара. Стильный узкий галстук ярко-желтого цвета на груди мужчины раскачивался из стороны в сторону.

Рекрут приблизился к ним.

– Господин Гофман? – широко улыбаясь во весь рот, поинтересовался жиган.

Человек в костюме затравленно кивнул.

– Превосходно. Вы-то нам и нужны. Тащи его в кабинет, Резо.

Грузин ударил несчастного Гофмана промеж лопаток, и тот едва удержался на ногах.

Один из лежащих на полу служащих, воспользовавшись тем, что внимание налетчиков сосредоточилось на владельце банка, чуть приподнялся на локтях, затем подтянулся и предпринял попытку ухватить рукой болтавшийся в метре от него телефонный шнур.

Солоух выстрелил.

Служащий вскрикнул и схватился рукой за простреленный бок.

Солоух быстро крутанул барабан, сделал шаг вперед и спустил курок еще раз. На этот раз пуля угодила жертве точно в голову. Крик оборвался, тело служащего мгновенно обмякло, и он распластался на полу лицом вниз. По щелям паркетного покрытия в разные стороны, словно паутина, потянулись тоненькие кровавые струйки.

– Есть еще желающие? – прокаркал Солоух низким гор-
таным голосом. – По-вашему, мы тут шутки шутим? Так, что ли, получается?

Рекрут не обратил на инцидент никакого внимания. Он

уже двинулся к кабинету управляющего банком, куда секундой ранее Резо грубо втокнул потеющего от волнения Гофмана.

Апартаменты Самуила Исааковича Гофмана выглядели довольно скромно. Небольшое помещенье с единственным зарешеченным окном, с рабочим столом Самуила Исааковича, кожаным диванчиком для посетителей, платяным шкафом и большим, почти во всю противоположную от входа стену, металлическим сейфом. Именно последний и интересовал Рекрута больше всего. Переложив «наган» в левую руку, жиган сунул правую в карман пальто и вынул из него золоченый портсигар. Сел на диванчик и качнул дулом в направлении сейфа.

– Открывайте, Гофман, – распорядился он. – Большой интерес у нас, знаете ли, до ваших скромных сбережений имеется.

Гофман чуть ли не плакал. Его холеное от природы лицо с тонкими усиками в этот момент сморщилось до безобразия, губы нервно подрагивали, а по щекам обильно катился холодный пот. Разумеется, Самуил Исаакович был немало наслышан о дерзкой группировке Рекрута, жертвами которой в последнее время стали многие его знакомые. Но, по простоте душевной, Самуил Исаакович полагал, что его-то всенепременно минет эта участь. Но полагал, как видно, зря. Добрались-таки и до его скромной персоны. И ведь надо же, как ловко все подгадали, бестии. Явились аккурат тогда, ко-

гда их банк получил крупный денежный перевод из столицы. Словно знали все.

– Послушайте, господа... – начал было Гофман, подпустив в голос как можно более жалостливых ноток, но Рекрут не дал ему договорить.

– Господа? – усмехнулся жиган. Он уже пристроил во рту папиросу, но раскуривать ее не торопился. – Ну, что же вы, любезный? Не знаете, какие нынче времена? Господа у нас, как известно, остались в прошлом. Теперь сплошь и рядом одни только товарищи.

– Ну хорошо, – быстро заговорил Гофман. – Хорошо, пусть будут товарищи. Так вот, я вас, как товарищей, прошу...

– А вот этого не надо, – Рекрут закурил и пустил в потолок густую струю дыма. – С чего бы это вдруг честные жиганы всякой контрреволюционной мрази товарищами стали? Нет, милейший, мы тут с вами по разные стороны баррикад. А посему прекратим эту бессмысленную полемику и приступим к делу. Отрывайте сейф! Да побыстрее! У нас мало времени.

– Но это все мое состояние. Неужели вы не можете понять...

На этот раз договорить Гофману не дал Резо. Он не сказал ничего, но его действия оказались эффективнее и убедительнее любых слов. Резкий удар кулаком в ухо заставил Самуила Исааковича пошатнуться и опереться рукой о спасительный край стола. В голове словно раздался звон колокола. На мгновение Гофман утратил чувство реальности, но

Резо тут же вернул его к действительности, проведя еще и мощный профессиональный апперкот. Гофман, клацнув зубами, повалился на пол.

– Открывай, паскуда! – жестко произнес грузин. Черный глазок его «нагана» смотрел Самуилу Исааковичу в лицо. – Или нам пригласить сюда твоего сынка? Он, кажется, тоже лежит там, облизывая полы языком. Открыть сейф сможет любой из вас. Следовательно, от другого мы можем избавиться без зазрения совести. Чью жизнь ты готов поставить на кон, Гофман? Свою или своего сынка? Решай!

Решать Самуилу Исааковичу пришлось недолго. Ясно было, что налетчики легко осуществят свою угрозу. С них станется. Мотнув головой и с опаской растирая подбитое ухо, Гофман поднялся на ноги. Обогнул стол, выдвинул верхний ящик и достал из него ключ. Затем приблизился к сейфу. Дрожавшие короткие пальцы принялись набирать шифр.

Резо тем временем расстегнул кожанку и достал из-под нее два холщевых мешка. Ни слова не говоря, швырнул их к ногам Гофмана.

Самуил Исаакович открыл сейф. Резо удовлетворенно хмыкнул. Лицо сидящего на диване Рекрута осталось совершенно бесстрастным.

– Складывай, – он указал на мешки.

Гофман беспрекословно подчинился. Ему понадобилось меньше минуты на то, чтобы переложить деньги из сейфа в предложенные налетчиками мешки. И Рекрут, и Резо при-

стально наблюдали за его торопливыми действиями. Самуил Исаакович уже смирился с потерей и теперь желал только одного: чтобы налетчики поскорее убрались. Банкиру совсем не хотелось снова оказаться на полу. Из разбитого правого уха стекала теплая струйка крови, а на скуле уже начал образовываться отек.

– Отлично! – когда Гофман закончил, Рекрут порывисто поднялся с дивана, бросил окурок на пол и раздавил его носком начищенного до блеска высокого сапога. – Уходим, Резо!

Грузин буквально вырвал оба туго набитых мешка из рук банкира.

– А с этим что? – обратился он к Рекруту.

Вопрос был чисто риторическим. Резо и сам отлично знал на него ответ. Схема налетов была уже обкатана их группировкой не единожды.

Рекрут поднял «наган» на уровень груди и выстрелил прежде, чем Самуил Исаакович успел сообразить, что сейчас произойдет. Его ныне покойных знакомых после подобных налетов настигала та же участь, но Гофман, опять же таки до последнего момента, тешил себя несбыточной надеждой. А вдруг пронесет?

Не пронесло.

«Наган» Рекрута с ослепительной вспышкой выплюнул смертоносный снаряд, и в следующую секунду мир померк для Самуила Исааковича навсегда.

Налетчики покинули кабинет управляющего. Оба мешка с деньгами по-прежнему нес Резо. Солоух при появлении подельников поднял голову. Рекрут спокойно и невозмутимо кивнул. Он сам не стал смотреть на происходящее, а направился к выходу из банка. За спиной жигана прозвучало четыре быстрых одиночных выстрела. Рекрут знал, что два из них произвел Витя и два – Паленый. Группировка не оставляла свидетелей.

Рекрут ступил на булыжную мостовую, поднял воротник пальто и взмахом руки привлек внимание извозчика. Стоявшая в конце квартала пролетка с бородатым Емельянычем на козлах тут же тронулась с места и подкатила к зданию банка. Емельяныч натянул поводья.

– Все тихо? – спросил Рекрут.

Возница только кивнул.

Из банка вышли остальные.

– Расходимся, – на правах старшего распорядился Рекрут. – Встречаемся на Стреженовской через два часа.

Он первым запрыгнул в пролетку. Резо забросил мешки в экипаж и сел рядом.

* * *

Казань. Здание ЧК на Предмостовой

– Ну, и как долго, спрашиваю я вас, товарищ Сверчинский, это будет продолжаться? – тяжелые пудовые руки на-

чальника казанского ЧК опустили на обитый красным сукном стол. – Вам известно, что не далее как вчера мне звонил сам товарищ Дзержинский. Лично. И если до этого звонки из Москвы поступали от товарища Верпухова, то теперь... Сам! Вы это понимаете, Кондрат Сергеевич?

– Понимаю, Александр Никанорович.

Сверчинский чувствовал себя нашкодившим гимназистом. Всего два месяца назад переведенный из Петербурга в Казанское Управление, он до сих пор не мог привыкнуть к тем выволочкам, которые так любил устраивать своим подчиненным Александр Никанорович Лепеха. Его бывшее петербургское начальство относилось к Сверчинскому совсем иначе.

Хотелось курить, но Кондрат Сергеевич не мог себе этого позволить. Лепеха не курил сам и не переносил, когда в его присутствии курили другие. Однако это не мешало Сверчинскому держать руку в правом кармане пиджака и осторожно поглаживать пальцами пачку папирос. Так он чувствовал себя значительно спокойнее. И немножко увереннее.

– Понимать мало, товарищ Сверчинский, – Лепеха подался вперед, и электрический свет отразился от двух его острых залысин на лбу. – Вас назначили на эту должность не для того, чтобы вы понимали! Мы ждем от вас действий, товарищ Сверчинский. Решительных и бескомпромиссных действий! А то что же это получается. Вчера мне звонит товарищ Дзержинский, а буквально через каких-то два часа эта

пресловутая банда совершает еще один дерзкий налет. С шестью трупами! С шестью, Кондрат Сергеевич! Вам не кажется, что это многовато? А мне вот кажется.

– Александр Никанорович, мы работаем в этом направлении, – как можно более сдержанно ответил Сверчинский. – В деле Рекрута, как именуется этот бандит, появились кое-какие наметки, но вы же должны понимать, что нам тоже требуется время. И преступности у нас в Казани ничуть не больше, чем в той же Москве, например...

– Что?! – руки Александра Никаноровича сжались в кулаки, и он, упершись ими в столешницу, слегка приподнялся в кресле.

– Я хочу сказать, что подобные банды, как вам должно быть известно, бесчинствуют по всей России, – быстро и сухо добавил Сверчинский.

Лицо Лепехи побагровело. Даже его залысины покрылись вдруг пунцовыми пятнами.

– Что вы мне тут киваете на другие города, товарищ Сверчинский! – громогласно пророкотал начальник казанского ЧК. – Меня интересует положение в нашем городе. За который отвечаем мы с вами. Отвечаем, товарищ Сверчинский! Понимаете? И я не хочу, чтобы в нашем городе бандиты бесчинствовали, как и везде в России. Я требую от вас совсем других показателей. Я хочу сообщить товарищу Дзержинскому или товарищу Верпухову, когда кто-нибудь из них позвонит в следующий раз, что группировка этого Рекрута

полностью обезврежена. Что налетчики поставлены к стенке. Вам ясно, товарищ Сверчинский? К стенке!

– Так точно, товарищ Лепеха!

Начальник ЧК вышел из-за стола и прошелся по кабинету, оправляя свой форменный пиджак. В какой-то момент он оказался за спиной у сидящего Сверчинского, но Кондрат Сергеевич не повернул головы.

– У вас есть кто-то, внедренный в среду преступников? – спросил Лепеха, и Сверчинскому показалось, что он почувствовал на своем затылке тяжелое дыхание начальника.

– Есть, но...

– Я спрашиваю вас про банду Рекрута!

– Нет, в банде Рекрута у нас никого нет, – вынужден был признать Сверчинский. – Я, как вы знаете, только недавно приступил к своим обязанностям, Александр Никанорович. За этот недолгий срок мне удалось обзавестись информаторами в окружении Скулатого и завербовать некоторых из держателей майданов. К группировке Рекрута подступиться не так просто. Это хорошо сколоченная и слаженная организация. Сам Рекрут, например, на которого мы расставили засады в местах его наиболее частого появления, обладает каким-то невероятным чутьем. Ему и его людям удается избегать арестов даже тогда, когда, казалось бы, и выхода-то иного у них нет. Мы будем пробовать выйти на него через рядовых членов банды, но пока эта операция находится на стадии разработки...

– «Разработки»! – презрительно выплюнул Лепеха. Он снова прошелся по комнате и встал у стола. Его глаза встретились с глазами Сверчинского. – А сколько еще людей будет убито, пока вы разрабатываете вашу операцию?

Кондрат Сергеевич хотел было сказать еще что-то, но Лепеха не дал ему такой возможности, резко рубанув воздух ребром ладони.

– Хватит! Я уже наслушался ваших басен, товарищ Сверчинский. И то, что вы делаете из Рекрута какого-то обладающего сверхчеловеческим чутьем дьявола, вовсе не оправдание. Я буду вынужден жестко поставить вопрос, товарищ Сверчинский. Или Рекрут, или вы! Надеюсь, я понятно выразился? А при таком подходе к делу... я думаю, нам будет очень сложно сработаться с вами, Кондрат Сергеевич.

Лепеха сел обратно за стол. Казалось, общение с подчиненным измотало его окончательно.

– Все, идите, – небрежно бросил он, даже не глядя на Сверчинского. – И помните, что я жду от вас положительных результатов в самое ближайшее время.

Кондрат Сергеевич поднялся.

* * *

Казань. Малина на Стреженковской

Положив ноги на стол и откинув голову на спинку шаткого деревянного стула, Резо под общий гул и отдельные одоб-

рительные выкрики в шесть больших глотков осушил из горла поллитровую бутылку водки. Его большой волосатый кадык ровно шесть раз синхронно дернулся вверх-вниз, затем жиган оторвал губы от опустевшей тары, громко выдохнул и продемонстрировал всем присутствующим свою лучезарную улыбку. Марухи радостно завизжали и захлопали в ладоши. Сидящие рядом с Резо жиганы дружески потрепали исполнителя за плечи.

Резо принял нормальное положение и с удовольствием закурил.

– Во, дает! Да!

– И ни в одном глазу!

– Зверь, а не человек!

Пыхнув пару раз сигаретой, Резо поднялся на ноги и театралью раскланялся. Подобный номер он уже не в первый раз исполнял на бис, и каждый раз это вызывало у окружающих восторженные отклики.

За шумом никто не заметил, как отворилась дверь и в помещение вошел Рекрут. На нем было длинное черное пальто с поднятым воротником, хромовые сапоги и чуть сдвинутый на бок картуз, козырек которого оставлял в тени едва ли не половину гладко выбритого, смуглого от природы лица жигана.

Рекрут быстро прошел к столу, согнал с места одну из девиц, сел сам и молча налил себе стакан медовухи из большой пузатой бутылки. Взоры всех присутствующих жиганов устре-

мились в его сторону. Гул и веселье мгновенно смолкли. Уже больно мрачно было лицо Рекрута в этот момент. Ни на кого не глядя, он выпил, а затем промокнул губы рукавом пальто.

– Женю-Шутника замочили, – негромко произнес Рекрут, уставившись в стол.

– Как замочили? – густые брови Резо сошлись над переносицей.

– Кто? – в унисон ему откликнулся Паленый, и в глазах молодого жигана появился недобрый блеск.

Рекрут поднял голову.

– Они вчера с пацанами взяли кассу на Вяземской. И завалились в трактир «Сивужный» обмыть удачный навар. Как сказал Серый, гуляли всю ночь. Я сам собирался заехать туда, но как-то не сподобился вот. Словно шепнул мне кто на ухо, что не стоит. А под утро, говорят, когда Шутник и двое его подельников совсем в угаре были, завалились в «Сивужный» четверо. По виду – уркачи. Из коды Скулатого. На Серого наехали. Ну, тут Шутник, естественно, и впрягся. Слово за слово, уркачи за «наганы» и давай шмалять. Серый едва успел свалить оттуда, но заведение его в хлам разнесли. А Шутнику, как он мне сказал, прям первую же пулю промеж глаз и вмазали. А потом и подельников его положили.

– Во, суки! – на выдохе произнес сидящий по правую руку от Рекрута белобрысый курчавый жиган по прозвищу Шмель. Его покрытые мелкими шрамами пальцы скрючились, словно он пытался ухватить ими за глотку убийц Же-

ни-Шутника.

– А с чего Серый взял, что это были люди из кодлы Скулатого? – спросил Резо.

Рекрут налил себе еще стакан медовухи.

– Среди них был Петя Маленький. Он-то первым и начал пальбу.

– Да давить их надо, Рекрут! – Солоух грохнул по столу кулаком так, что зазвенела посуда. – Житья же от них никакого. Расплодилось этих уркачей, как свиней нерезанных. И все права свои качают! А кому нужны их права? Кому нужны их пережитки прошлого? Давить, Рекрут! Вот мое мнение. Потому как, если не задавим их, так в скором времени они сами нас задавят. Мы же им как кость поперек горла. Будто ты сам не знаешь! И Скулатому в первую очередь.

Рекрут снова выпил и легко оттолкнул от себя пустой стакан. Проехав по столу, тот уперся в отставленный локоть одного из жиганов.

– Давить, говоришь? – Рекрут впервые поднял глаза на собеседника. – Верно ты мыслишь, Витя. Я и сам об этом подумал. Оставляя безнаказанной смерть Шутника я и права-то морального не имею. Да и за всех остальных жиганов, которых Скулатый раньше времени на перо посадил, пора поквитаться.

– Это провокация, Рекрут, – снова вмешался Резо. – Тебе так не кажется?

– А если даже и провокация, то что? – вскинулся жиган. –

Солоух верно толкует. Гниду надо задавить в самом ее зародыше. Иначе покоя всей жиганской братве от уркаганов поганых все одно не будет.

– К ногтю их прижать, – запальчиво высказался Паленый.

– А почему бы и нет? – вскинулся Рекрут. Плечи его расправились. – Пора показать Скулатому, где его место. Пора нам самим верховодить в городе. По своим законам и по своим традициям. Или прогнутся они под нас, или... – жиган выдержал многозначительную паузу и окинул долгим взглядом всех сидящих с ним за одним столом. – Или положим их всех к чертовой матери, как псов шелудивых.

– Ты предлагаешь войну? – Резо прищурился и неторопливым движением пригладил рукой свои непослушные черные вихры. – Открытую войну?

– Скулатый сам нарвался на это. За Женю-Шутника я ему лично глотку порву. – Рекрут подозрительно покосился на товарища. – А у тебя есть другое предложение, Резо? Или, может быть, ты просто не с нами?

– Зачем задаешь такой позорный для меня вопрос, Рекрут? – набычился тот. – Обидеть хочешь? Да? Ты же знаешь, что я за тобой в огонь и в воду. Если не я, то кто?

Слова грузина вызвали у Рекрута невольную улыбку. Да, он несколько не сомневался в Резо. Этот человек прошел с ним не одно испытание. С самого детства. Рожденный в отдаленной глубинке на территории Грузии, Резо, потерявший в семь лет обоих своих родителей, угодил в детский дом. Од-

нако горячий и непокорный пацаненок долго там не пробыл. Совершив побег, Резо покинул Грузию, а через месяц уже судьба занесла его в Казань. Пойманный жандармами еще царской России, Резо снова оказался на казенных харчах, но уже в интернате. Потом опять побег, за ним еще один... И снова интернат, но уже другой. Там-то он и познакомился с Рекрутом. Они выросли вместе и выжили лишь благодаря тому, что стояли горой друг за друга.

В Резо Рекрут был уверен, как в самом себе.

– Значит, решено, – подвел черту жиган. – Встретимся со Скулатым, потолкуем, а там...

Он неопределенно махнул рукой, вновь потянулся было к стакану, но передумал. Сняв с головы картуз, Рекрут небрежно бросил его на стол. Огляделся, оценивающим профессиональным взглядом изучая каждую из марух.

– Нервы не к черту стали, – признался жиган. – Расслабиться бы мне надо. Аграфена! – он махнул рукой одной из девиц. – Ну-ка, поди сюда, родная!

Девушка живо подбежала к Рекруту, не дожидаясь повторной просьбы. Встала рядом и, как преданная собака, заглянула жигану в глаза. Любая из казанских марух считала большой честью, если выбор такого человека, как Рекрут, останавливался на ней.

Жиган протянул руку и обнял ее за талию. Затем погладил чуть ниже спины. Он словно приценивался, и у многих из присутствующих за столом появились на губах понимающие

улыбки. Нередко случалось и так, что выбрав кого-то, Рекрут чуть позже менял собственное решение и подзывал новую.

Но сегодня такого не произошло.

– Пойдешь со мной, – сказал он Аграфене, и девушка тут же гордо приосанилась. Другие поглядывали на нее с откровенной завистью. – Ступай-ка в дальнюю комнату и жди меня там. Я скоро буду.

Аграфена ушла, а Рекрут снова обернулся к Резо.

– Выясни, где обычно обитает Скулатый, – распорядился он. – Знаю я, есть у него излюбленные майданы. Как выяснишь, тут же сообщи. Откладывать дело в долгий ящик не будем. Действовать надо стремительно. А ты, Солоух, реши проблему с волынами. Стволов нам понадобится много. И, главное, надежных стволов. Чтоб без всякой осечки. Уяснил?

– Ясное дело. Можешь на меня положиться, Рекрут.

– Добро, – жиган хлопнул ладонью по столу.

* * *

Казань. Трактир на Моховой

Крепкие волосатые руки обхватили хозяйку трактира за грудь и слегка сдавили ее. Но та даже не обернулась. Она прекрасно знала, что вести себя с ней подобным образом мог только один человек. Она с улыбкой накрыла его руки своими, за что тут же и была награждена страстным поцелуем

в шею.

– Рад, что ты меня так привечаешь, – нараспев произнес Петя Маленький, сам разворачивая женщину к себе лицом и заключая ее в объятия. – Не забыла, стало быть.

– Тебя забудешь, охальник, – кокетливо откликнулась хозяйка. – Ты же, Петюнчик, мимо моего заведеньица пройти не можешь. Через два дня на третий – нет-нет, да и нарисуешься. Я еще от прошлых твоих ласк не отошла.

– А я, как видишь, уже с новыми. Видать, жить без тебя не могу. Только ты, это... Как в сказках-то говорится, накорми, напои сначала.

Петя Маленький пришел не один. С ним были трое его верных наперстников. Впрочем, Авдотья Лаврентьева и не помнила, когда Петя где-либо появлялся в одиночку. Если только при царском режиме. А нынче времена уж больно беспокойные, вот Маленький и хоронится.

Кличку свою Петя получил неспроста. Росточка он, действительно, был невысокого. Той же Лаврентьевой, например, едва доставал до подбородка. Но зато с лихвой восполнял сей недостаток могучими руками, которыми, как сказывали, Маленький лично удавил не одну жертву, и грозным широкоскулым лицом, от одного взгляда на которое озноб пробирал до самых костей. Умел Петя произвести впечатление. И умел себя поставить, если надобно...

Уркаганы разместились за одним из крайних столиков. Авдотья тут же скрылась в кухне и вернулась с бутылкой са-

могона. Петя Маленький разлил ядреный напиток по стаканам. Никого не дожидаясь и ни с кем не чокаясь, выпил, а затем блаженно откинулся на спинку стула. Лениво поднял руку в приветствии, заметив за другими столиками кое-кого из знакомых. В трактире на Моховой Петя был частым посетителем, и многие знали его в лицо.

– Я потолковать с тобой хотел, Петь, – склонился над столом один из уркачей, облаченный в мохнатую телогрейку без рукавов.

– О чем же?

– Мне тут одну наводочку дали. Зажиточный домик лесопромышленника.

– Разве его не раскулачили? – с усмешкой откликнулся Петя Маленький.

– Видать, не успели. Но я думаю, как раз самое время раскулачить. Экспроприация, как говорится нынче.

Петя пожал плечами, но подельник видел, что информация его заинтересовала. Хозяйка медлила с подачей блюд, и самое время было продолжить разговор, заручиться поддержкой Маленького окончательно. Уркаган в телогрейке понизил голос до шепота.

– Мне цинканули, он на неделю в столицу едет. Дом будет пустой. Ну, прислугу я в расчет не беру, конечно. Да и кто там из прислуги этой? Одна престарелая кухарка да сторож. Тоже лет за шестьдесят, наверное. Ты, если не хочешь, Петь, можешь на дело сам не ходить. Мы вон и с Гаврилой упра-

вимся. А навар должен быть хорошим. . .

– С чего ты взял? – прищурился Петя Маленький.

– Так я ж говорю, зажиточный мужик этот лесопромышленник. Еще старой закали. Он, как узнал, что дело к раскулачиванию идет, так все свои ценности под пол спрятал. На черный день.

– Ты так говоришь, Кулон, будто сам с этим лесопромышленником знаком. Зажиточный, ценности под полом. . . Может, ты еще и точное место схрона знаешь?

– Знаю, Петь, – Кулон так и раздувался от гордости, довольный тем, что такой старый тертый уркак, как Петя Маленький, выразил восхищение его осведомленностью. – У меня один кореш в свое время у этого лесопромышленника садовником работал. И сам видел, как тот схрон под полом делал. А сейчас такая оказия! На неделю уехал, говорю. Решайся, Петь. А то, не ровен час, жиганы про эту контру пронюхают и раньше нас все сливки с этого дела и снимут. Сколько раз уже обставляли нас.

Петя Маленький нахмурился. Разговор о жиганах, в последнее время проявлявших все больше и больше активности, испортил ему изначальное благодушное настроение. Эта молодая поросль, как саранча, заполонила не только Казань, но и всю Россию. И главное, никаких понятий у них нет. Знай, катят и катят себе по беспределу. Бывший каторжанин Петя Маленький жиганов на дух не переносил.

Но слова Кулона попали на благодатную почву. Петя ре-

шитительно качнул в знак согласия кудлатой головой.

– Будь по твоему, – сказал он. – Сегодня же ночью с Гаврилой и отправляйтесь на хазу лесопромышленника. Только это... – Петя поскреб подбородок. – Со сторожем там поспайте, как придется, а кухарку не трогайте: мы с бабами не воюем.

Кулон понял намек. Слухи о том, что жиганы после каждого своего налета не оставляют в живых ни единого свидетеля, достигли и его ушей. Петя Маленький намеренно подчеркнул, что у них должен быть иной почерк.

– Само собой, – с достоинством ответил уркаган.

Хозяйка трактира наконец принесла им еду и неспешно принялась расставлять на столе блюда. Как она и рассчитывала, Петя невольно залюбовался ее аппетитным округлым задом. Провел по нему широченной ладонью, отчего Авдотья кокетливо захихикала.

– Ну, иди-иди уже, – с улыбкой поторопил ее Маленький. – Нечего тут красоваться. Всему свое время. Дай пока о деле поговорить.

Он налил себе еще самогону, но выпить не успел. Дверь в трактир отворилась, и глаза Пети, словно притянутые какой-то магнетической силой, встретились с раскосыми миндалевидными глазами ступившего на порог Рекрута. Рука Маленького с наполненным граненым стаканом так и зависла в воздухе. Остальные уркачи, заметив реакцию старшего, тоже поворотились к выходу. Челюсть Пети Маленького

изумленно отвисла. Такой наглости от жиганов он никак не ожидал. Как правило, без особой причины те никогда не совались на территорию воров старой закалки. Но у Рекрута такая причина, видимо, была. И Петя догадывался, какая. Убитый третьего дня Женя-Шутник, не иначе...

Рука Кулона тут же оказалась в кармане телогрейки. Гаврила тоже скользнул пальцами за пазуху, где у него был припрятан конфискованный у недавно убитого красноармейца револьвер. Подобрался и четвертый поделщик Маленького. Сам Петя медленно опустил стакан на стол. Несколько капель самогона пролилось ему на пальцы.

Однако Рекрут, как ни странно, остался спокоен и невозмутим. Он словно и не заметил, как уркачи потянулись к оружию. Его колючий взгляд был прикован к лицу Пети Маленького. Руки свободно болтались вдоль тела, картуз сдвинут на затылок.

На пороге трактира появились еще двое жиганов и стали по обе стороны от Рекрута. В одном из них Петя Маленький признал Резо. Второго, высокого и худощавого, с острым, как стилет, носом он видел впервые. Эти двое держали руки в карманах. На то, чтобы выхватить оружие, им потребуется время.

Петя расслабился и позволил себе изобразить на лице глумливую улыбку. Трое против четырех, и с учетом того, что в трактире присутствовало как минимум еще человек пять из кодлы Скулатого... Тут можно было не беспокоить-

ся. Напротив, Петя был уверен, что собственная дерзость завела Рекрута в ловушку.

– Посмотрите, кто к нам пожаловал! – старый уркаган демонстративно скрестил руки на груди, показывая тем самым, что ему совершенно нечего опасаться. – Рекрут! Как там поживает Женя-Шутник? Что-то давненько его не видно. Надеюсь, он жив-здоров?

Рекрут молча шагнул вперед. За ним последовали Резо и второй жиган. Причем Резо чуть сместился в сторону, оказавшись таким образом почти за спиной Кулона.

В трактире повисла напряженная тишина. Хозяйка предпочла скрыться в кухне – от греха подальше. Краем глаза Петя Маленький видел, как руки некоторых уркаганов скрылись под столами. В случае необходимости, они готовыми были оказать поддержку. Но Пете эта поддержка и не нужна была. Все так же вальяжно сидя за столом, он с вызовом смотрел на Рекрута снизу вверх.

– Я думаю, скоро ты с ним увидишься, Маленький, – разомкнул, наконец, губы Рекрут. Он говорил медленно, чеканя каждое слово. – Заодно сам все и узнаешь.

– Да ты, никак, угрожать мне вздумал, Рекрут?

– Нет, что ты, – правое веко жигана нервно дернулось, выдавая внутреннее напряжение. – Время угроз давно уже прошло. Теперь пришло время осуществить их.

Петя Маленький громко расхохотался.

– А не много ли ты на себя берешь, Рекрут? Мне кажет-

ся, у тебя у самого сейчас земля горит под ногами. Или ты решил, что после такой наглости мы просто так возьмем, да и отпустим тебя.

– Я не стану вас спрашивать.

– Да ну! Знаешь, я не перестаю удивляться...

Что собирался сказать Петя Маленький, так и осталось загадкой для окружающих. Реакция Рекрута оказалась молниеносной. Никто даже не успел среагировать. Всего секунду назад он, казалось, стоял совершенно расслабленно, но вдруг в одно мгновение рука его нырнула в правый карман пальто, и одновременно с этим грохнул оглушительный выстрел. На черной кашемировой ткани образовалось небольшое обугленное отверстие. Петя Маленький схватился за грудь и опрокинулся назад вместе со стулом. Кулон рванул оружие из кармана, но стоящий позади него Резо был начеку. Пуля, выпущенная из его «нагана», разворотила Кулону пол-черепа, и уркаган, заливая стол кровью, рухнул лицом вниз.

Со звоном разлетелись окна трактира, в образовавшихся проемах появились темные фигуры жиганов, и одиночные выстрелы застучали безостановочно, слившись в единую канонаду. Поднимавшиеся из-за столиков уркачи тут же валились, как подкошенные, не успев оказать ни малейшего сопротивления. Помещение наполнилось дымом и пороховой гарью. Уже через минуту все было кончено. Резо опустил свой наган.

Один из приспешников покойного Пети Маленького, ле-

жа на полу, корчился от боли в простреленной ноге. Рекрут приблизился к нему и рывком приподнял уркагану подбородок. Заглянул ему в глаза.

– Кликуха есть? – металлическим голосом произнес жиган.

Раненый помотал головой.

– А имя?

– Гаврила, – выдавил тот.

– Слушай меня внимательно, Гаврила, и запоминай: ты единственный, кому мы сохранили жизнь. Но это не бескорыстный поступок. Бескорыстные поступки вообще не в моем стиле. Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

Рекрут замолчал, следя за реакцией уркача, но тот только затравленно смотрел на него и ждал продолжения. Такой подход к делу вполне устраивал Рекрута. Для убедительности он провел по губам раненого стволom «нагана».

– Передай Скулатому: война мне без надобности. Петя Маленький и иже с ним ответили за свои личные грехи. В частности, за смерть моего человека. Но я хочу, чтобы Скулатый помнил, как отче наш, что этот город теперь мой. Только мой. Он здесь никто. И если он признает это, то пусть сам явится на поклон. Я буду милостив к нему, обещаю, – жиган снова выдержал небольшую паузу, чтобы смысл всего сказанного как следует дошел до сознания уркагана. – А ежели Скулатый не поймет и вздумает переть на меня буром, то в скором времени будет там же, где сейчас Петя Малень-

кий. Запомнил?

– Да, запомнил, Рекрут, – Гаврила нервно сглотнул. При этом он смотрел не на жигана, а на приставленное к его лицу оружие. – Я все передам. Как ты сказал, так и передам. Только...

– Свое мнение можешь оставить при себе, – осадил его Рекрут.

Резо уже прошелся по помещению трактира, проверяя, не осталось ли кого в живых. Шмель тащил из кухни перепуганную Лаврентьеву.

– Что с бабой делать, Рекрут? – спросил он.

Жиган, уже завершив свои переговоры с Гаврилой, поднялся во весь рост и сунул «наган» в карман пальто. Беглым взглядом окинул хозяйку трактира с головы до ног и равнодушно пожал плечами.

– Мне без разницы. Можешь делать, что хочешь, Шмель. Хочешь – пришей, хочешь – себе оставь для частного пользования.

Плотоядная улыбка заиграла на губах Шмеля. Бабенка показалась ему справной. Как говорится, есть за что подержаться. Да и напугана до того, что вряд ли станет противиться его ласкам.

Резо прекрасно все понял по глазам подельника.

– Лучше избавься от нее, – посоветовал он Шмелю. – На какой ляд тебе потом лишние неприятности? Сразу видно – язык у нее хуже помела.

– А вот это я и хочу проверить, – Шмель потрепал Лаврентьеву за щеку. – Как она язычком своим пользоваться умеет. Так что я, пожалуй, оставлю ее. Ты не против, пышечка?

Хозяйка трактира ничего не ответила. От страха она была ни жива ни мертва. Столько трупов в своем заведении ей еще видеть не приходилось.

– Значит, не против, – сделал заключение Шмель. – Оно и правильно. Оно ведь и к лучшему. Давай, подруга, топай на выход.

Лаврентьева, удерживаемая жиганом за локоть, неспешно двинулась к распахнутым дверям трактира. При этом она очень старалась не наступить ни на чье тело и не испачкаться в крови.

– Скажи Солоуху, пусть все расходятся, – бросил в спину Шмелю Рекрут.

Затем он склонился над распластанным Петей Маленьким и рывком сорвал с шеи убитого толстую золотую цепочку с золотым массивным крестом.

– На память, – прокомментировал Рекрут. – Говорят, Пете Маленькому этот крест удачу приносил. До поры до времени, правда. Теперь посмотрим, сгодится ли он мне.

Резо только неопределенно повел плечами. Дескать, дело твое. Раскурив папиросу, он первым покинул трактир на Моховой. Рекрут еще раз окинул холодным взглядом помещение, удовлетворенно кивнул и последовал за соратником.

Казань. Центральный парк

Сверчинский неспешно двигался по аллее, заложив руки в карманы кожаного плаща и низко наклонив голову. В нынешние беспокойные времена в столь поздний час центральный казанский парк выглядел особо пустынным. Луна, пробиваясь сквозь багряные кроны деревьев, тускло освещала посыпанные песком дорожки.

У одной из скамеек с видом на небольшое озерцо Кондрат Сергеевич остановился. Поднял голову, огляделся, затем достал из кармана серебряные часы на цепочке и раскрыл их. До назначенной встречи с информатором оставалось не так уж и много времени. Всего каких-то пару минут. Однако Григория нигде не было видно.

Сверчинский опустил на скамейку. Закурил.

– Вечер добрый, Кондрат Сергеевич.

Григорий появился из темноты справа от чекиста. Он словно материализовался из воздуха. Впрочем, Сверчинский уже успел привыкнуть к такой бесшумной манере перемещений своего штатного информатора.

Григорий сел на скамейку рядом с Кондратом Сергеевичем. На вид информатору было никак не меньше шестидесяти лет – сухое, землистого оттенка лицо и абсолютно седые, коротко стриженные волосы. Но согласно имеющему-

ся досе, Сверчинский знал, что Григорию Боярышникову, носившему в определенных кругах прозвище Боярин, было всего лишь немногим за сорок. Десять лет каторги, куда Боярин угодил в свои неполные двадцать еще при царском режиме, наложили на Григория свой отпечаток. А с месяц назад ему грозил еще один срок, после того, как его взяли с личным при ограблении скобяной лавки, но Сверчинскому удалось уладить дело, объяснив начальству, что на воле такой человек, как Боярышников, будет им гораздо полезнее, нежели в заключении.

– Узнал для меня что-нибудь? – сухо поинтересовался чекист, протягивая Григорию раскрытый портсигар.

По своему обыкновению бывший каторжанин подцепил грязными неухоженными пальцами не одну папиросу, а сразу три. Одну вставил в рот, а две другие припрятал в нагрудном кармане жилетки. Сверчинский сделал вид, что не обратил на это внимания.

– Мне бы гривенный, Кондрат Сергеевич, – нараспев протянул Григорий, чиркнув спичкой о подошву ботинка. – В горле совсем пересохло.

Сверчинский знал, что информатор в последнее время стал закладывать лишнего за воротник. И прекрасно понимал, что, если так будет продолжаться и дальше, ему придется подыскивать на место Григория нового человека. Но, с другой стороны, Боярин никогда не стал бы выпрашивать у него гривенник, если бы не имел что сказать.

– Рассказывай, – потребовал Сверчинский. – А потом получишь все, что причитается.

Григорий пыхнул папиросой.

– Значит, так, Кондрат Сергеевич. Докладаю вам все, как есть. Банк на Поперечной брали жиганы. Рекрута это рук дело. Сколько человек участвовало в налете, я не знаю, да и знать мне не полагается, сами понимаете. За подобные вопросы жиганы могут и голову оторвать. Знамо только, что одним из налетчиков был жиган по кличке Паленый.

– Откуда это тебе известно? – прищурился чекист.

– Так он сам похвалялся. Вчера в трактире на Серпухова. Я рядом был, все слышал. Говорил, что, мол, с хорошим наваром ушли. Мол, побольше бы таких дел. И при этом прямо-таки сорил деньгами, – Григорий завистливо присвистнул, но, вспомнив, с кем разговаривает, тут же осекся. Взгляд у Сверчинского был на редкость суровым. – Я этого Паленого еще пацаном знал. В соседнем доме они жили. А в группировке Рекрута он, видать, недавно. Потому как никогда раньше я от него подобных историй не слыхивал.

Глаза Кондрата Сергеевича азартно заблестели, но видеть этого в темноте Григорий никак не мог. Чекист щелчком отбросил окурок.

– Так ты, значит, часто видишь этого Паленого? – поинтересовался он.

– Да уж частенько, – усмехнулся Григорий. – Он в «Метелице» на Серпухова любит бывать, я же сказал вам уже.

Аккурат каждый вечер туда и является. В крайнем случае, через день. Зазноба у него там. А я, знаете ли, тоже, Кондрат Сергеевич, нет-нет, да и наведаюсь в «Метелицу». Там ви-нишко шибко хорошее. И недорогое. Кабы я с самого начала знал, что вас Паленый интересуется, так нешто не сказал бы...

– Ладно-ладно, Григорий, – осадил словоохотливого информатора Сверчинский. – «Метелица», говоришь? Каждый вечер? Какой он из себя, этот Паленый? Опиши его.

– Ну, какой... – смешался Григорий, мусоля во рту давно уже потухшую папиросу. – Даже не знаю, как и сказать вам, Кондрат Сергеевич... Обычный он. Ну, как все, значит. Высокий, стройный, с темными волосами. Пальтишко он носит серенькое. Ну, и этот, картуз. Хотя жиганы-то они почти все в таких картузах ходят... А вспомнил! Глаза у него... Как бы это сказать? Большие такие, навывкате. Зеленого цвета. Как у кошки прямь, – Боярышников усмехнулся. – А больше ничего и сказать особливо не могу, Кондрат Сергеевич.

– Хорошо, – Сверчинский уже принял решение. – Я завтра вечером буду у этой «Метелицы». Выйдешь часов в десять, перейдешь на противоположную сторону. Я подойду к тебе сам. Скажешь, там Паленый или нет. А потом вместе с тобой и подождем, когда он выйдет. Покажешь его нам.

– Нам? – настороженно переспросил Григорий.

– Ну, я, скорее всего, не один буду.

Глаза Григория от испуга округлились еще больше.

– Стрелять будете, Кондрат Сергеевич?

– Если придется, будем.

– А ежели кто дознается, что я с вами был? Ну, увидят там или еще чего?

– Не беспокойся, Гриш, – успокоил своего информатора Сверчинский. – Никто тебя не увидит. Мне самому не нужно такого ценного кадра, как ты, терять. Значит, договорились?

– Договорились, – неохотно согласился Григорий. Видно было, что слова чекиста не убедили его окончательно. – В десять я выйду.

Сверчинский поднялся на ноги.

– А гривенник как же, Кондрат Сергеевич? – засуетился Григорий. – Вы ведь гривенник обещали. Неужто запамятовали?

– Да все я помню, – Сверчинский сунул руку в карман плаща. – Держи!

Григорий подхватил монетку налету. Даже странно было, как он сумел разглядеть в такой темноте ее полет.

– Благодарствую, Кондрат Сергеевич. Ежели чего, всегда обращайтесь.

* * *

Москва. Курляндский вокзал

Ступив на платформу одним из первых, Графин с наслаждением втянул воздух полной грудью. Затем шумно выдохнул и с улыбкой осмотрелся по сторонам. Москва опреде-

ленно изменилась за те пятнадцать лет, что Графин провел на каторге. Столько событий! Царя свегли, жандармерии не стало. Департамента полиции – и того уже не было! Во все это трудно было поверить, и Графин слушал приходившие с воли известия, как придуманные кем-то детские сказки. А вот теперь ему и самому предстояло убедиться во всем воочию...

Мимо бывшего каторжанина ровным строем прошли облаченные в длиннополые шинели красноармейцы. Графин проводил их заинтересованным взглядом и негромко хмыкнул.

– Что же это теперь? Вместо жандармов, что ли? Дико! Право слово, дико!

Графин запахнул на груди старенькую потертую тужурку, служившую ему многие годы верой и правдой, и решительно зашагал по перрону к зданию вокзала. Станным казался Графину тот факт, что никто из московских «иванов» не приехал его встречать. Однако разочарование авторитетного вора мигом рассеялось, едва он сумел различить в толпе высокую широкоплечую фигур Митяя.

– Митяй!

Широкоплечий обернулся на окрик. Всегда идеально приглаженные волосы Митяя сейчас слегка растрепались от налетевшего с запада холодного ветра. Над верхней губой красовались изящные тоненькие усики, которых Графин не видел прежде. Модное пальто, шапка, белоснежные, как у ари-

стократов, перчатки... Во всем этом облике узнать Митяя можно было только по росту.

– Эким ты франтом, брат, – лукаво прищурился Графин, когда Митяй подошел и они крепко обнялись в знак приветствия. – Раньше, помню, за тобой такого не наблюдалось.

– Раньше! – Митяй с наигранной деловитостью стряхнул с воротника пальто невидимые пылинки. – Ты бы еще царя Гороха вспомнил, Графин. Раньше много чего не наблюдалось. А теперь тут все изменилось. Вся жизнь изменилась. Не слышал разве?

– Слышал, но не думал, что изменения могли коснуться и нашего образа жизни.

– Эх! – Митяй только рукой махнул. – Поедем обедать, брат. Я тебе сейчас такого порасскажу... Сам все и поймешь.

Слова старого товарища заметно насторожили Графина. Не тот человек Митяй, чтобы беспричинно дуть на воду. Значит, проблемы и в самом деле существовали. И кому теперь с ними придется разбираться, если не ему, Графину, как человеку, номинально стоящему во главе московского воровского сообщества?

Они вместе прошли через здание вокзала и оказались на площади. Оценив по достоинству щеголеватый наряд Митяя, в их сторонку тут же устремилось три или четыре извозчика, наперебой предлагая свои услуги.

– Я и гостиницы хорошие знаю, – бойко выступал один из них, прыщавый, еще совсем юнец, с длинными спутанными

волосами.

Но Митяй не обратил на все эти предложения никакого внимания. Свой возница покорно ожидал их на противоположной стороне улицы. К нему-то и повел Митяй прибывшего в столицу Графина.

– Да не томи ты меня, – не выдержал Графин, когда они сели в экипаж и лошади рысью пустились вскачь. – Скажи толком, о чем речь. Хоть в двух словах обрисуй.

– Ну, если в двух словах, так это можно, – Митяй расстегнул ворот пальто. – Чекисты, которые ныне у власти, поопаснее жандармов будут. И поопаснее полицейских, с которыми мы привыкли иметь дело раньше. Никаких каторг и никаких острогов теперь практически не существуют. Ежели изловят кого, так сразу к стенке. И пулю тебе в лоб без суда и следствия. Разговор у них с нашей братией недолгий.

– Как так без суда и следствия? – недоверчиво откликнулся Графин. – А как же закон? Прокуратура? Судебные исполнители?

– Ничего этого почти нет. Есть только один закон – ЧК.

– Что же это за зверь такой?

Митяй рассмеялся.

– А вот это ты верно подметил, Графин. Зверь! Еще какой зверь. Но тут в двух словах не растолкуешь. Да и, честно тебе скажу, брат, не ЧК сейчас наша главная забота.

– А кто?

Слушая соратника, Графин не забывал смотреть по сто-

ронам. Пролетка катила по булыжной мостовой не слишком быстро. И опытный взгляд авторитетного «ивана» невольно подмечал каждую встречавшуюся на пути мелочь.

– Молодая да нахрапистая поросьль подняла голову, Графин, – поделился Митяй. – Именуют себя жиганами. Воры новой формации, черти бы их побрали. Традиций никаких не соблюдают, уркачей авторитетных ни во что не ставят. Стреляют и грабят почему зря.

– Вот как? А что же ЧК?

– Борются. Только этих жиганов, знаешь, сколько расплодилось? Не счесть! У нас тут в Москве еще ничего. Худо ль бедно, но можно сыскать на них управу. Пока, – многозначительно добавил Митяй. – А вот в провинциях такое творится. Сколько наших положили!

Черты лица Графина угрожающе заострились. Вкратце обрисованная соратником картина совсем ему не понравилась.

– Устой пошатнулись, Графин, – заключил Митяй. – Нужна твердая рука.

– Ясно. Я разберусь.

Пролетка свернула на Рязанскую.

* * *

Казань. Малина на Старо-Купеческой

Скулатый постучал кончиком папиросы по гладкому ног-

тию большого пальца правой руки, стряхивая с коленей высыпавшийся табак, и снова перевел взгляд на сидящего в кресле Гаврилу.

Болезненная гримаса ни на секунду не покидала лицо раненого уркагана. Простреленная лодыжка не давала ему покоя, даже когда, с наложенными на рану бинтами, он вытянул ее и осторожно опустил на низкий пуфик.

– Значит, так и сказал? – Скулатый чиркнул спичкой и раскурил папиросу. – Что я к нему на поклон явиться должен? Что он теперь хозяин в Казани? Я правильно все понял?

Голос старого уркагана звучал глухо и слегка надтреснуто. При этом почти после каждого слова Скулатый делал небольшую паузу и со свистом добирал воздух. Сказывался застарелый туберкулез – напоминание о годах, проведенных на каторге.

Скулатому было уже за шестьдесят. Свое прозвище он получил за широкие скулы, рельефно выделяющиеся на худом вытянутом лице. Волос у казанского авторитета почти не было, не считая того седого пушка, что обрамлял череп полукругом от одного виска до другого. Высокий покатый лоб рассекал узкий продольный шрам.

Гаврила избегал смотреть Скулатому прямо в глаза.

– Я передал слово в слово.

Скулатый горько усмехнулся и коротко переглянулся с двумя другими уркаганами, присутствующими в комнате. Верный соратник Скулатого Оглобля сидел рядом с ним на

низком турецком диванчике, а молодой и неоперившийся еще, по мнению старого вора, Игнат разместился на подоконнике. Проникавший сквозь щель задернутых штор свет отбрасывал желтоватый блик на щеку Игната, и казалось, что это след от застарелого ожога.

– Слыхали? – обратился к подельникам Скулатый. – Что я вам говорил? Рекрут не остановится до тех пор, пока не приберет к рукам весь город. Хавальник у него здоровенный. Заглотнет – и не подавится. Если только... – Скулатый глубоко затянулся и тут же зашелся в сухом лающем кашле. – Если только мы его не заставим подавиться. Смерть Пети Маленького с рук ему не сойдет. И поклон я ему такой отвешу, что он его век не забудет, – желваки заиграли на скулах авторитета, когда он вновь обратился к Гавриле. – Сказал он, куда к нему на поклон явиться я должен?

Гаврила покачал головой.

– Нет, не сказал.

– Плохо. Но ничего, сами как-нибудь разберемся. Казань – город небольшой, а сыскать такую личность, как Рекрут, труда огромного не составит. Знаешь, где он обычно бывает, Игнат?

Молодой уркач спрыгнул с подоконника и быстрым движением поправил ворот рубахи. Блик со щеки исчез.

– Я интересовался уже, – быстро заговорил он. – Перехватить Рекрута где-то в одном месте трудно. Его чекисты по всей Казани ищут, вот он и хоронится. Но кое-какие ме-

ста есть. На Стреженовской, например. Там Федотья малину держит. И привечает жиганов. Я так кумекаю, что это самый верный майдан. Коли самого Рекрута там не сыщем, так наверняка будут людишки, которые на него нас и наведут. Что скажешь, Скулатый?

Казанский авторитет ответил не сразу. Было видно, что он тщательно обдумывает предложенный вариант, взвешивает все «за» и «против». Узкие потрескавшиеся губы плотно сомкнулись на дымящейся папиросе. Игнат и все остальные ждали решения Скулатого.

– Давай попробуем, – произнес наконец старый уркаган. – Снаряди людишек на Стреженовскую, и пусть они хорошенько потряхнут майдан Федотьи. Валить всех, кто там окажется. Без разбору. Повезет нам, так и Рекрута замочим, а нет... Пламенный привет ему будет! Чтобы знал, щенок, на кого наехать удумал. А то хозяином он себя возомнил! Сучонок!

– Если Рекрута на Стреженовской не завалим, он ответный рейд учинит, – высказался до сих пор молчавший Оглобля. – Это как пить дать, Скулатый.

– Ну и начхать! – авторитет снова закашлялся и раздраженно швырнул недокуренную папиросу в пепельницу. – Милости просим! У нас тоже волын хватает. Явится к нам, значит, встретим как подобает. Но прогибаться я ни под кого не стану. И поклон челом бить в ноги всякой мрази, у которой и молоко-то на губах не обсохло, не собираюсь.

– Это верно, – поспешил согласиться Оглобля, не желая провоцировать Скулатого на очередную вспышку ярости. – Прогибаться мы не станем. Я только хотел сказать, что хорошо бы нам самого Рекрута достать. И дружка его – Резо.

– Хорошо бы, хорошо бы, – немного успокаиваясь, откликнулся Скулатый. – Но на безрыбье и рак – рыба. Сидеть сложа руки резона нам нету. Так что давай, Игнат, отправляй людей на Стреженовскую, – авторитет мрачно покосился на Гаврилу и, словно только что вспомнив, добавил: – Водки надобно. Петю Маленького помянуть. По-человечески.

– Сейчас принесу, – поднялся Оглобля.

– Сядь! – грубо осадил его Скулатый. – Негоже нам вчетвером тут помин устраивать. Все-таки Петя в Казани не последний человек был. Оповести всех наших, и соберемся завтра в «Фортуне». Проводим Маленького честь по чести, как обычаи того требуют.

Тяжело дыша, Скулатый поднялся с дивана и, ни слова не говоря больше, покинул комнату. Накинул в сенях пальто и вышел на воздух. При всем том, что старый уркаган только что говорил своим приспешникам, сам он отлично понимал: Рекрут – это сила, с которой необходимо считаться. И Скулатый считал себя обязанным поставить в известность о намечавшейся открытой войне с жиганами московских воров. Они должны быть в курсе происходящего. Тем более сейчас, когда, как знал Скулатый, не сегодня-завтра в Москву должен был вернуться Графин. Вот уж кто действительно спосо-

бен навести порядок и повыдергать расползающуюся во все стороны поросль жиганов. Скулатый верил, что правда на их стороне.

Сунув руки глубоко в карманы и слегка ссутулившись, казанский авторитет направился в город. Телефонировать в Москву нужно непременно сегодня. Поговорить с Митяем или с Лешим. А может быть, уже и с самим Графином удастся потолковать.

Холодное осеннее солнце на фоне морозного утра отражалось от гладкого лысого черепа Скулатого.

* * *

Казань. Майдан Кудерметовой на Винной

– Надеюсь, ты не ждешь, что Скулатый сразу поднимет лапки вверх и безоговорочно признает твою власть? – как бы между прочим нарушил паузу Резо.

Сегодня они приехали на майдан к Кудерметовой не в поисках развлечений, как это случалось обычно. И если прочие жиганы гужбанили на первом этаже на полную катушку, то Рекрут с Резо предпочли расположиться наверху в тихой и спокойной обстановке. Сюда даже не долетали снизу пьяные выкрики и звуки рояля, на котором так любила музицировать в дневное время сама Кудерметова.

Скинув хромовые сапоги, Рекрут лежал на кушетке в одной белой рубаше с заложенными под голову руками. Глаза

его были прикрыты, но Резо знал, что поделщик не спит. Время от времени Рекрут менял позу и подхватывал с пола бутылку вина. Сделав глоток или два прямо из горлышка, он ставил бутылку на прежнее место и вновь возвращался в состояние блаженного покоя.

Сам Резо, сидя за столом справа, был занят куда более важным делом. Уверенно сжимая двумя пальцами штопальную иглу, грузин старательно наносил крап на рубашку одной из карт. Рисунок не должен был повторяться, и Резо пристально следил за этим.

– Не жду, – не открывая глаз, отозвался Рекрут. – Скажу тебе больше: я жду, что Скулатый примет вызов. Обычаи, по которым привык жить этот старый уркаган, не позволят ему поступить иначе. Но моя совесть будет чиста, Резо.

– Совесть? – грузин удивленно вскинулся.

– Представь себе. Я действую согласно жиганскому кодексу. За смерть Жени-Шутника мы поквитались и предложили Скулатому разойтись по-мирному. На наших условиях, конечно. Теперь ход за ним.

– Я догадываюсь, какой ход он предпримет, – Резо отложил одну карту в сторону и взял из колоды новую.

– Я тоже. И с нетерпением жду этого, – в голосе Рекрута появился металл. – Где-то Скулатый нанесет удар. Не знаю где, но нанесет. Погибнут наши ребята. Жаль, конечно, но что поделаешь... Обойтись вовсе без жертв у нас вряд ли получится. Но действия уркачей развяжут нам руки.

– Скулатого еще нужно найти, – напомнил Резо.

– Найдем, – Рекрут говорил так уверенно, словно исход был известен ему заранее. – Все гораздо проще, чем тебе кажется, Резо. Я готов заложить свой «наган», что Скулатый устроит Пете Маленькому пышные проводы. Нам останется только узнать, где они соберутся помянуть покойного. И мы их накроем. Всей кодлой.

Резо оторвался от своего занятия и взглянул на подельника. Штопальная игла замерла, соприкоснувшись с карточной «рубашкой».

– А что потом?

Рекрут сел на кушетке. Прежней сонливости – как не бывало. Глаза жигана горели. Он поднял с пола бутылку, но пить не стал.

– Потом ничего. Казань полностью окажется в нашей власти. К нам пожалуют с визитом московские воры, но я сумею дать им достойный отпор. Останется открытым вопрос с ЧК, но я уверен, что это временная проблема. Утрясется как-нибудь.

Рекрут сделал глоток вина.

Резо с сомнением покачал головой, но от каких-либо комментариев предпочел воздержаться. Ему ли было не знать бесшабашного характера Рекрута. Когда тот находился в подобном настроении, никакие доводы на него подействовать не могли. Так к чему бросать слова на ветер? Придет время – и они смогут вернуться к обсуждению этой темы.

Резо вновь склонился над картами. Игла коснулась «рубашки» еще дважды, и с очередным крапом было покончено. Жиган взял из колоды следующую. Десятка трэф. Резо прищурился и приступил к кропотливой работе.

В этот момент раздался стук в дверь. Коротким взглядом Резо мазнул по стулу. «Наган» лежал здесь же, и, в случае необходимости, дотянуться до него можно было за считанные секунды.

– Открыто! – крикнул Рекрут.

Дверь отворилась, и на порог ступил белобрысый жиган лет восемнадцати с чистыми голубыми глазами. Повстречаясь такой на улице, и ни один даже самый дотошный красноармеец не заподозрил бы в этом пареньке человека, способного ради наживы хладнокровно разрядить в невинного прохожего всю обойму. А такое в практике голубоглазого уже бывало. Однако в общении с Рекрутом, чей авторитет безоговорочно признавался в жиганской среде, он вел себя почтительно и даже несколько подобострастно.

– Там это... – паренек покосился на Резо, но разобраться со спины, чем был занят грузин, не представлялось возможным. – Там Солоух приехал. Тебя спрашивает, Рекрут. Говорит, у него до тебя дело. Спустишься или как...

– Сейчас иду.

Голубоглазый не стал больше ничего спрашивать и скрылся за дверью. Рекрут допил вино, поставил пустую бутылку на пол рядом с кушеткой и поднялся на ноги.

– Солоух привез новые стволы, – сказал он Резо. – Не хочешь спуститься со мной посмотреть?

– Нет, я сейчас занят. И потом, я вполне доверяю Солоуху. Чего там смотреть?

Резо, пожалуй, был единственным, кто мог позволить себе говорить с Рекрутом в подобном тоне. Сказывались годы многолетней дружбы.

– Ну, как знаешь. Было бы предложено.

Резо даже не повернул головы, когда подельник покинул помещение. Ему оставалось покрапить еще шесть карт, и прерываться сейчас на другие дела не хотелось.

* * *

Казань. Улица Серпухова

– Вот он! – заговорщицким шепотом произнес Григорий, хотя, кроме стоящего рядом Сверчинского, его и так никто не смог бы слышать.

Кондрат Сергеевич бросил быстрый взгляд на вход в «Метелицу».

Ожидание и так уже затянулось. Сверчинский подумывал о том, чтобы ворваться в трактир и учинить арест Паленого прямо на месте. Но, во-первых, пришлось бы в этом случае раскрыть информатора, а во-вторых, чекист не был уверен, что силы окажутся равными. В его распоряжение выделили всего лишь двух молодых красноармейцев. Сверчинский не

имел права рисковать ценной кадрой понапрасну.

Но в итоге терпение Кондрата Сергеевича было вознаграждено. На крыльце «Метелицы» появился высокий молодой человек в сером полупальто и залихватски заломленном на затылок картузе. В зубах Паленого дымилась только что прикуренная папироса, а на правой руке беззастенчиво повисла полупьяная девица.

– Я могу идти, Кондрат Сергеевич? – осторожно поинтересовался Боярышников.

– Да, иди, Гриша, – Сверчинский тут же обернулся к красноармейцам. – За мной, товарищи. Соблюдайте бдительность и помните, что, согласно распоряжению товарища Лепехи, у вас есть полное право стрелять на поражение. Хотя... – чекист пристально посмотрел в глаза каждому из подчиненных. – Будет гораздо лучше, если мы сможем взять этого фрукта живым.

Григория уже как ветром сдуло. Паленый тем временем, обняв девицу за талию, неспешно спустился с крыльца и свистнул, подзывая извозчика. Одна из пролеток, всегда дежуривших рядом с «Метелицей», тронулась в его направлении.

Сверчинский быстрым шагом пересек улицу.

– Товарищ! – окликнул он Паленого и тут же обхватил пальцами рукоятку лежащего в правом кармане плаща револьвера.

Жиган резко обернулся и понял все без лишних объясне-

ний. Двое красноармейцев в шинелях и человек в кожаном плаще...

Паленый сунул руку в карман и выстрелил через ткань полупальто. Выстрел получился неточным, но пуля пролетела в опасной близости от чекиста. Сверчинский выхватил револьвер. Оба красноармейца схватились за винтовки. Однако никто из них выстрелить так и не успел. Паленый грубо схватил девицу за волосы и притянул к себе.

– Назад! – крикнул он.

В руке жигана появилось оружие, и холодное смертоносное дуло ткнулось девице в висок. Та истошно завизжала и попыталась вырваться. От дикого страха хмель как рукой сняло. Но Паленый притянул к себе девушку еще крепче. Почти вся его сухощавая фигура скрылась за живым щитом.

Сверчинский остановился. Рядом с ним замерли и красноармейцы. Но стволы винтовок по-прежнему были направлены на жигана.

– Брось дурить, Паленый! Отпусти ее, – металлическим голосом произнес Кондрат Сергеевич. – Мы хотели только поговорить...

– Да пошел ты, красноперый! Знаю я ваши разговоры.

Пролетка остановилась за спиной жигана. Он стал отступать назад, не забывая при этом прикрываться визжащей девицей. Сверчинский лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации.

Паленый уже занес одну ногу на подножку пролетки и вы-

нуждено открылся. Всего лишь на долю секунды, но один из красноармейцев посчитал, что и этого будет достаточно. Винтовка дернулась у него в руках, однако пуля прошла мимо цели и со звоном срикошетила от остова экипажа. Паленый незамедлительно выстрелил в ответ и оказался удачливее. Красноармеец, выронив винтовку и схватившись двумя руками за простреленную грудь, рухнул на мостовую.

Напуганная выстрелами лошадь громко заржала и шаркнулась в сторону. Паленый оступился, хватка его на мгновение ослабла, и девица, воспользовавшись ситуацией, стремительно рванулась из его цепких объятий. Ее крик взвился до самой высокой ноты, когда прядь волос осталась в кулаке жигана. Девушка упала лицом вниз. Сверчинский тут же спустил курок. Пуля чиркнула Паленого по плечу. Его «наган» дважды жажнул, но Кондрат Сергеевич, припав на одно колено, сумел избежать участи убитого красноармейца.

Паленый не стал прыгать в пролетку. Он избрал другое решение. Петляя, как заяц, и спасаясь тем самым от прямого попадания в спину, жиган бросился бежать. Вдогонку ему прозвучало два или три выстрела, но ни чекисту, ни второму красноармейцу не удалось зацепить беглеца. Однако Паленый понимал, что бежать по прямой слишком рискованно. Кинувшись вправо, он юркнул в ближайшую подворотню. Сверчинский устремился за ним. Кондрат Сергеевич понимал, что в данной ситуации главным было не упустить преследуемого из виду. Стрелять на бегу со стопроцентной точ-

ностью не представлялось возможным.

Паленый, не оглядываясь, буквально летел вперед по узкому проулку. Пули не свистели ему вслед, и это уже обнадеживало. Однако Сверчинский не отставал. Более того, он видел, как расстояние между ним и бегущим впереди жиганом стремительно сокращается. Физически он был гораздо крепче бандюгана. Красноармеец, путаясь в своей длиннополой шинели, бежал где-то далеко позади.

Паленый затылком почувствовал, что его настигают. Топот сапог чекиста был слышен совсем рядом. Выскочив из проулка, жиган, не задумываясь, рванул через пустынный перекресток, добежал до арочного свода, куда не достигал свет уличных фонарей, и остановился, скрытый кромешной тьмой. Вскинув руку с «наганом», он выстрелил в подбегавшего преследователя. Паленого и Сверчинского разделяло не более полутора метров, и Кондрат Сергеевич, спасаясь от пули, отчаянным рывком бросился в ноги жигана. Паленый промахнулся. Он дернулся было назад, рассчитывая вжаться спиной в стенку арочного проема, но не успел. Маневр чекиста оправдал себя. Выбросив правую руку вперед, Сверчинский сумел-таки дотянуться до противника, ухватил его за лодыжку и что было сил дернул на себя. Паленый не удержал равновесия. Он опрокинулся на спину и при этом больно ударился раненым плечом о каменную кладку. Сверчинский накрыл жигана своим тренированным мускулистым телом. Паленый попытался наотмашь ударить рукояткой «на-

гана» чекиста по лицу, но Кондрат Сергеевич ловко увернулся, и рука жигана рассекла только воздух. Кулак Сверчинского врезался Паленому в грудь: и без того неровное дыхание беглеца сбилось окончательно. Сверчинский нанес ему еще один удар, но уже по лицу. Из разбитой губы жигана потекла кровь. Силы его иссякли. Сверчинский перевернул Паленого на спину, взял на излом руку и уже легко отобрал оружие.

– Сука легавая, – едва слышно прохрипел Паленый.

Сверчинский поднялся на ноги, шумно выдохнул и сплюнул на мостовую.

На освещенном перекрестке показалась фигура красноармейца. Паренек, держа винтовку наперевес, растерянно остановился, не зная, в каком направлении двигаться дальше. Сверчинский окликнул его.

Паленый стоял на четвереньках, мотая головой из стороны в сторону, как измученный ушными клещами приблудный пес. Красноармеец в сердцах ударил его прикладом винтовки промеж лопаток. Жиган ткнулся лицом в булыжную мостовую и выдал сквозь зубы очередное ругательство. Красноармеец замахнулся еще раз.

– Не надо, – остановил ретивого подчиненного Сверчинский. – Поднимай его и давай обратно к машине.

Казань. Малина на Стреженовской

Игнат, в отличие от других уркаганов, не считал себя молодым и неоперившимся. Во-первых, ему было уже за тридцать, а следовательно, он превосходил по возрасту большинство жиганов с Рекрутом во главе. А во-вторых, хоть ему, как тому же Скулатому или Оглобле, еще не пришлось отбыть срок на каторге, Игнат имел за своими плечами немало дерзких налетов и ограблений. Его имя было на устах у чекистов, а в уркаганской среде Игната боялись и уважали.

В юности Игнат мечтал освоить профессию медвежатника и занять в воровской среде одно из самых высоких и авторитетных положений. Но, ныне покойный, а некогда известный на всю Россию медвежатник Данила Сермяжный, к которому Игнат набился в ученики, веско заявил, что из этого парня с его короткими и заскорузлыми пальцами ничего путного не выйдет. Мечта Игната так и осталась мечтой. Но зато он немало преуспел в квартирных кражах и очень скоро прибил к Скулатому.

Сегодня Игнату предстоял очередной экзамен на прочность. Амбициозный уркаган рассчитывал доказать Скулатому и всем остальным казанским «иванам», что ему по силам повернуть любое дело.

Прибыв на Стреженовскую в девятом часу вечера и рас-

порядившись оцепить кольцом жиганскую малину, Игнат не стал торопиться. Он видел, что те десять бравых ребят, которых ему удалось собрать, горят нетерпением и готовы в любой момент повыхватывать «наганы». Однако в спешке завалить дело значило не только понести существенные потери, но и нарваться на неудовольствие Скулатого. Игнат резонно считал, что определяющим моментом в схватке с жиганами должен стать фактор внезапности.

Подозвав к себе одного из подельников, низкорослого мужичка по кличке Мерин, вечно щеголявшего в старомодном котелке, Игнат велел тому «слазить» на разведку. Мерин тут же скрылся в темноте, а Игнат стал напряженно всматриваться в освещенные окна малины, где ничего не подозревавшие жиганы пили и развлекались со своими заштатными марухами. Кривая усмешка исказила лицо Игната.

Мерин вернулся через пару минут. Он был не один. Грубо подталкивая в спину, он вел перед собой пацаненка лет одиннадцати с грязными спутанными волосами. На юнце болталось несоразмерно большое пальто с чужого плеча и свисавший с плеч узкий вязаный шарфик. Пацан испуганно оглядывался на Мерина и давно бы уже дал стрелкача, если бы не направленное ему в спину дуло «нагана».

– Вот, – Мерин пихнул пленника в направлении Игната. – На стреме стоял, пострелец. Я едва разглядел его впотьмах. А так бы точно засвистел.

Игнат удовлетворенно кивнул.

– Это хорошо, – сказал. – Этого я и хотел избежать. Еще кто-нибудь приглядывает за домом?

– Нет, я обошел кругом...

– Я не тебя спрашиваю, Мерин, – Игнат ухватил пацана на ворот пальто и притянул к себе. – Отвечай: приглядывает еще кто-нибудь за домом или нет?

– Нет, только я.

Выбора у юнца не было. Конечно, жиганы за такую оплошность по головке его не погладят, но и уркаганы цацкаться сейчас не станут. Пустят пулю промеж глаз, да и всего делов.

Игнат понял, что выкаблучиваться пацан не станет.

– Рекрут здесь?

– Не приезжал еще сегодня. Хотя час-то ранний, может и появиться.

– А Резо?

– Тоже нет, – пацан шмыгнул носом.

– Сколько всего там жиганов? – не отставал Игнат.

– Человек двенадцать, не считая марух, конечно.

– Марухи меня не интересуют.

Игнат был заметно разочарован. Отличиться и подстрелить сегодня самого Рекрута ему уже не удастся. Или обождать еще? Глядишь, и впрямь объявится? Нет, рисковать не стоило. Игнат принял решение.

– Ладно, свяжи его, Мерин, – распорядился он, указывая на пацана. – И кляп какой-нибудь в рот сунь. Чтобы шухер не поднял.

Игнат обернулся к двум стоящим рядом подельникам.

– Пошли, ребята! А то так и замерзнуть недолго.

Он первым достал «наган» и стремительным шагом двинулся в направлении жиганской малины. Гогот и пьяные выкрики становились все слышнее. Звонко и противно завизжала одна из марух, на что жиганы ответили дружным ржанием. Игнат поморщился.

Ударив в дверь носком сапога, он решительно шагнул в помещение. Разбираться, кто есть кто, уркаган не стал. Вскинув руку с оружием, он без промедления выстрелил в одну из расплывшихся в широкой улыбке рож. Попал точно в левую глазницу. Жиган на секунду замер, а затем ткнулся лицом в стол. Ворвавшиеся следом за Игнатом уркачи тоже открыли огонь. Низкорослый Мерин палил сразу с двух рук, держа «наганы» на уровне бедер.

Две марухи кинулись к окну и, мешая друг другу, вскарабкались на подоконник. Одной из них удалось распахнуть фрамугу, но она тут же схлопотала пулю в горло. Кровь брызнула фонтаном, и девица с хрипом завалилась на спину. Рядом с ней, как подкошенная, рухнула и вторая. Все отходы с малины были перекрыты.

Жиганы хватались за оружие, но мало кто из них успевал им воспользоваться. Сработал тот самый фактор неожиданности, на который и рассчитывал Игнат. Ряды жиганов стремительно редели. В какой-то момент оборонявшиеся догадались опрокинуть стол и укрыться за его массивной поверх-

ностью. Посуда со звоном полетела на пол. Бутылка вина, выплескивая янтарную жидкость, откатилась к ногам Мерина. Пули вонзались в толстое дощатое покрытие...

Стоявший на фоне дверного проема Игнат почувствовал жгучую боль внизу живота. Тело молодого уркагана охватила слабость, а ноги вдруг стали такими тяжелыми, будто к каждой была подвешена пудовая гиря. Предметы потеряли привычное очертание. Все пошло кругом. Игнат почувствовал, что уплывает куда-то. «Наган» выскользнул из его руки и с глухим стуком брякнулся на пол. Игнат упал на колени, прижимая к животу липкие от крови пальцы. Затем все померкло. Развития дальнейших событий Игнат уже не видел.

В живых оставалось всего двое или трое жиганов, прятавшихся за перевернутым столом, когда ранение в плечо получил и Мерин. Он отступил назад, пошатнулся и, отбросив один из «наганов», дважды пальнул из другого в стол. Рядом с Мерином замертво рухнул один из его подельников.

– Дави их! Никому не дать уйти!

Боевой клич Мерина был лишним. Уркаганы, хоть и несли потери, но вошли в раж настолько, что вели стрельбу почти безостановочно. Участь окруженных со всех сторон жиганов была предрешена. «Наган» одного из них сухо щелкнул, извещая об окончании последней обоймы. Но сдаваться без дальнейшего боя жиган счел для себя позорным. Да и некому было сдаваться. В намерения неприятеля явно не входило брать пленных. Выхватив из-за голенища сапога остро от-

точенный стилет, жиган лихо перемахнул через стол и бросился на стоящего к нему ближе всех противника. Стилет глубоко вонзился уркагану в живот. Однако сослужить еще какую-либо службу своему владельцу ему было не суждено. Сразу три пули попали отчаянному жигану в грудь, и он повалился сверху на только что убитого им человека...

Из всех гулявших в тот вечер на стреженовской малине в живых оставался один лишь Толя Жирмач. Но и в его обойме, как знал Толя, всего два патрона. А наседавших с двух сторон уркачей было никак не меньше пяти. Жирмач горько усмехнулся. Мелькнула мысль, что, будь здесь сегодня Рекрут, псам Скулатого ой как не поздоровилось бы! Но Рекрута не было... Это ли решило исход схватки, или какое-то иное обстоятельство, для Жирмача было сейчас не так уж существенно. Жиган твердо верил, что его смерть не останется не отомщенной.

На подоконник запрыгнул один из уркаганов и поймал Толика на прицел. Жирмач выстрелил первым и попал уркачу в голову. Тот слетел на пол, как тряпичная кукла. Жирмач устало привалился спиной к перевернутому столу, глубоко вздохнул и, развернув «наган», вставил его себе дулом в рот. Грохнул последний выстрел. Обойма «нагана» опустела. Руки безжизненно повисли.

В помещении наступила гробовая тишина.

Мерин приблизился к Игнату и перевернул его тело носком сапога.

– Красноармейцы! – кто-то из уркачей дернул Мерина за рукав. – В конце квартала. Они бегут сюда, Мерин! Надо уходить.

Мерин согласно кивнул.

* * *

Казань. Здание ЧК на Предмостовой

– Присаживайтесь, Прохор Матвеевич, – Сверчинский кивком головы указал на стул.

Паленый поколебался секунду, затем прошел вперед и опустил на предложенное место. За истекшие сутки, что жиган провел без сна в камере, на его щеках и на подбородке проступила небольшая щетина. Глаза были красными и воспаленными. Беспокоила боль в плече. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось в мыслях Паленого. Ситуация, в которой он оказался, окончательно сломила его. Перспективы пугали еще больше. Иными словами, сказать, что жиган находился в состоянии, близком к панике, означало бы не сказать ровным счетом ничего. Однако внешне Паленый очень старался не показать Сверчинскому, что творилось в его душе. Но Кондрату Сергеевичу этого и не требовалось. Он и сам прекрасно чувствовал перемену, произошедшую в настроении задержанного. Сверчинский основательно подготовился к разговору с Паленым.

– Хотите курить? – гостеприимно предложил он.

Взгляд чекиста был холодным и неподвижным, но тон, которым был задан этот вопрос, позволил жигану слегка приободриться. Вместо грозного собеседника пред ним вдруг предстал весьма добродушный человек.

– Не откажусь.

Сверчинский подтолкнул портсигар на краешек стола. Паленый вынужден был подняться и пройти вперед. Сверчинский подал ему спички. Закурив, жиган вернулся на прежнее место. Глубоко затянулся.

– Ну что же, Прохор Матвеевич, – неспешно начал чекист, сплетая сухие жилистые пальцы в замок. – Давайте посмотрим, что у нас с вами получается. Поверьте, даже не взирая на то, что вы пытались убить меня, я не имею против вас ничего личного. А потому буду предельно откровенен. Положение ваше незавидно, Прохор Матвеевич. – Паленый при этом нервно дернулся, словно собираясь сказать что-то, но Сверчинский, не обратив на это ни малейшего внимания, продолжил с прежней интонацией. – Я не собираюсь брать вас на испуг. Просто взгляните в глаза фактам. Ограбление лавки Лапухина, итог – два трупа, банк «Марсель» – четыре трупа, банк «Гофман и сын» – шесть трупов. В каждом из этих случаев вы принимали самое деятельное участие. Есть еще и Ливерпульский банк, налет на который был осуществлен на позапрошлой неделе. И опять же с четырьмя трупами. Но тут, врать не стану, касаясь вас, Прохор Матвеевич, нет никаких улик. Однако... – Сверчинский выдержал теат-

ральную паузу, пристально наблюдая за тем эффектом, что он производил на задержанного. – Даже если бы всей этой информации у нас не было... я лично стал свидетелем тому, как вчера при задержании вы хладнокровно застрелили красноармейца. Одного этого, Прохор Матвеевич, достаточно, чтобы по законам нынешнего времени поставить вас к стенке. Вы это понимаете, не так ли?

На этот раз Кондрат Сергеевич намеренно замолчал, ожидая реакции жигана.

– Послушайте, – Паленый выпустил дым через ноздри, – все это какое-то недоразумение, честное слово. Я имею в виду то, что произошло вчера. Я и не думал оказывать никакого сопротивления представителям советской власти. Я просто обознался, – он выдавал Сверчинскому версию, придуманную им минувшей ночью. Жиган искренно верил, что только такое поведение поможет ему выпутаться из положения. – Я принял вас за переодетых бандитов. Вы же знаете, сейчас такое случается сплошь и рядом. Нацепят шинель или кожаную куртку и давай честных людей обирать. Иногда, знаете ли, и до душегубства доходит. Ничего святого у таких людей.

Сверчинский согласно покачал головой.

– Обознались, стало быть?

– Именно. Обознался. А тут еще и баба эта пьяная, визжащая... Я и сообразить ничего не успел.

Кондрат Сергеевич расплел пальцы и, выудив из общей стопки на столе пару бумаг, положил их перед собой. сосре-

дотоchenно изучил написанное. Паленый напряженно ждал, опасаясь нарушить установившуюся тишину. Вытянув шею, он попытался было разглядеть, что там так увлеченно читает чекист, но расстояние было слишком большим. Папироса в руке жигана потухла, и он, поискав глазами, куда бы ее деть, не нашел ничего лучше, как спрятать в нагрудный карман жилета. Пауза затягивалась.

Наконец Сверчинский поднял глаза на подследственного. Паленый машинально облизал губы.

– Я готов был поверить вам, Прохор Матвеевич, но, видите ли, какая штука. В результате произведенного у вас дома обыска мы нашли немалую сумму денег и оружие. Более того, опять же дома у вас, в платяном шкафу, обнаружилось и кое-что из лавки ограбленного и убитого вами Лапухина.

– Я никого не убивал! – лицо Паленого залила мертвенная бледность. До него только сейчас начало доходить, что чекист играет с ним, как кошка с мышкой. И этот тон, и предложенная папироса... – Мне все это кто-то подкинул! Клянусь вам! Чем хотите клянусь!

– Ясно, – Сверчинский отложил бумаги и, поднявшись из-за стола, скрестил руки на груди. – Вижу, откровенность у нас с вами какая-то односторонняя. Давайте вернемся к самому началу, Прохор Матвеевич. Я ведь уже сказал, что против вас лично ничего не имею. Так? И мне совсем не хочется ставить вас к стенке. А знаете почему?

– Почему?

Вопрос вырвался у Паленого машинально. Уж слишком мягким и обволакивающим был голос у Кондрата Сергеевича.

– Потому что вы мне не интересны. Мне нужен Рекрут.

– Я не знаю никакого...

– Вы сначала дослушайте меня, – Сверчинский улыбнулся одними губами. – Я готов вас отпустить, Прохор Матвеевич. Прямо сейчас. И все ваши грехи будут забыты. До поры до времени, разумеется. А вы в качестве благодарности оказываете мне встречную услугу. Вы встретитесь с Рекрутом, выясните его ближайшие планы, и когда ваша группировка с самим Рекрутом во главе соберется на очередной налет, вам нужно будет только сообщить мне об этом. Точное время и место налета. Впрочем, – голос Кондрата Сергеевича стал еще более вкрадчивым, – это не обязательно может быть налет. Меня вполне устроит и информация о местонахождении Рекрута. Дескать, такого-то числа в такой-то час Рекрут будет совершенно точно находиться там-то и там-то. Или, может быть, вам уже прямо сейчас есть что сказать мне по этому поводу, Прохор Матвеевич?

С минуту Паленый сосредоточено молчал. Теперь пришел черед Сверчинского ждать, но он не торопил жигана. Он знал, что тому необходимо все как следует взвесить.

Паленый нервно покусывал нижнюю губу.

– Хорошо, – с трудом выдавил он и поднял глаза на чекиста. – Но сейчас мне сказать нечего. Правда нечего. Рекрут –

как перекасти поле. Сегодня – здесь, завтра – там. Но я могу раздобыть для вас нужную информацию. Только...

– Что?

– Вы действительно забудете обо всех моих грехах, как вы изволили выразиться?

– Даю слово.

Паленый не знал, как на это реагировать. Но ему ничего иного не оставалось, как поверить Сверчинскому. Сердце жигана гулко стучало в груди. Он сам отчетливо слышал этот стук, и ему казалось, что чекист тоже слышит. На языке крутился еще один вопрос, и после недолгого колебания Паленый решился его озвучить.

– А если... Если Рекрут что-то заподозрит?

Сверчинский пожал плечами.

– Вам придется постараться, чтобы этого не произошло. Я лишь обещал то, что мог обещать со своей стороны.

Кондрат Сергеевич вернулся на свое рабочее место, аккуратно собрал все бумаги и сложил их в общую папку. Затем убрал папку в ящик стола. Все движения чекиста были уверенными и точными. Так мог вести себя только человек, успешно справившийся с поставленной перед ним задачей. Сверчинский был доволен исходом беседы с задержанным.

– Да, и еще одно, – он будто сейчас вспомнил об этом и снова взглянул на неподвижно сидящего жигана. – Полагаю, я должен довести это до вашего сведения, Прохор Матвеевич. На тот случай, если вы решите сыграть со мной не по

правилам – ну, вы понимаете... Так вот, исключительно на этот случай мы во время обыска, о котором я уже вам сообщил, задержали вашу матушку...

– Что? – Паленый дернулся, как от нанесенной ему пощечины.

Но Сверчинский остался невозмутимым.

– А что вы хотели? Учитывая тот факт, что вы проживали вместе с ней, ваша матушка проходит в этом деле по особой статье. Вернее, даже по двум. За укрывательство и недоносительство. В настоящий момент она находится под следствием. И будет находиться в таком положении, Прохор Матвеевич, до тех пор, пока мы с вами не закончим наше маленькое дельце. То есть, как только с вашей стороны будет интересующая меня информация по Рекруту, мы освободим вашу матушку. На этом у меня все. Вы можете идти.

Паленый с трудом поднялся со стула. Такого поворота событий он никак не ожидал. Сверчинский не оставлял ему выбора. А ведь еще пару минут назад жиган рассчитывал надуть этого мягкотелого сотрудника ЧК. Выйти отсюда, предупредить Рекрута и забыть о происшедшем, как о дурном сне. А теперь выходило все иначе.

Кондрат Сергеевич уже не смотрел на Паленого. Вместо прежней папки он достал из ящика стола новую и углубился в ее изучение.

Казань. Ресторан «Фортуна», неподалеку от площади Причастия

На поминки Пети Маленького в «Фортуну» приехало почти двадцать человек. Фактически весь цвет воровской казанской элиты. Скулатый на правах старшего занял почетное место во главе стола. По правую руку от него разместился Оглобля, облаченный сегодня в дорогой черный смокинг, который смотрелся на нем, как на корове седло. Слева от Скулатого занял место некогда хорошо известный в тверской губернии вор-домушник Лапа, по татуировкам на руках которого можно было без труда прочесть всю его богатую биографию. Три года назад Лапа перебрался в Казань, преследуемый тверскими чекистами, и тихо осел здесь под прикрытием Скулатого и с одобрения московских воров. На дело он теперь выходил редко и больше жил тем, что, быстро освоив квалификацию карточного каталы, стриг деньги с залетных гастролеров по многочисленным казанским притонам да майданам.

Кроме этой легендарной троицы в «Фортуну» приехали и воры помельче. Здесь были Трифон Железный, Кулак, Колченогий, Воробей... Все они так же пришли отдать дань памяти Пети Маленькому.

Скулатый первым поднял наполненный до краев гране-

ный стакан.

– Пусть земля тебе будет пухом, Петя, – негромко произнес он, но на фоне общей гробовой тишины слова казанского авторитета были слышны каждому из присутствующих. – У всех у нас есть недостатки. Куда же без этого? Были они и у Маленького. Но в целом... В целом, дай бог любому из нас сделать столько, сколько сделал он. Верой и правдой служил Петя нашему общему делу. За это дело и головушку свою буйную сложил, как вы знаете. И мы здесь собрались не только для того, чтобы помянуть друга и товарища нашего, а также и с целью дать клятву перед лицом Всевышнего, что смерть Пети Маленького не останется безнаказанной. Сегодня уже был нанесен удар по жиганской братии. Удар серьезный, но и мы понесли новые потери. Не стало Игната, не стало многих других правильных уркаганов, почитавших традиции наши. Однако войны без жертв не бывает... Я поставил в известность московских воров о той ситуации, которая у нас тут творится. Они одобрили мои действия. Сам Графин одобрил. С Рекрутом должно быть покончено. Вот наша цель. Его голова взамен голов всех погибших.

– Давай я найду его, Скулатый, – подал голос Аякс, особо выделявшейся на противоположном конце стола своей огромной комплекцией.

Скулатый даже не взглянул в его сторону. Казалось, старый уркаган полностью погрузился в себя и сосредоточился на одном ему ведомых мыслях. Подержав стакан на весу

еще с минуту, он выпил, а затем ловко подцепил вилкой порцию квашеной капусты из большой миски. Никто по-прежнему не спешил нарушать установившегося молчания. Выпили, следуя примеру Скулатого.

Казанский авторитет вытер губы тыльной стороной ладони и с мрачным видом покачал головой.

– Это моя забота, – сказал он. – Я обязан сам разобраться с тем, что творится на моей территории. И я не успокоюсь до тех пор, пока не достану Рекрута. Слишком уж много крошушки он нам попортил.

– Надо просто прочесать все жиганские малины, – предложил Оглобля. – Тряхнуть кое-кого как следует, разузнать. Это займет немало времени, согласен, но в итоге мы обложим Рекрута со всех сторон, и деваться ему все одно некуда будет.

Скулатый натянуто улыбнулся.

– Можно и так, – согласился он. – Только сдастся мне, Оглобля, проблема наша разрешится гораздо проще. Не тот человек Рекрут, чтобы по малинам прятаться. Сам он нас искать начнет. И в первую очередь – меня. А я уж должен буду к этой встрече как следует и подготовиться...

– Не нравится мне все это, – Лапа, как и остальные, до сих пор не притрагивался к еде, но чувствовал, что его урчащий желудок долго такого испытания не выдержит. – Этак можно до бесконечности стрелять друг в друга. То в мы в них, то они в нас. Не станет Рекрута, так на его место другой придет.

Ты же должен понимать это, Скулатый.

– И что ты предлагаешь?

– Может, стоит попробовать договориться с Рекрутом? Он в наши дела не лезет, а мы в его. Пусть живет каждый, как ему Бог на душу положит.

– Западло, – веско заявил Оглобля.

Скулатый не сказал ничего, но по его лицу видно было, что он согласен со своим верным соратником. Вступать в переговоры с жиганами и показывать им свои слабые стороны – для уркачей последнее дело. Да и московские не поймут их.

– Западло, – не стал спорить Лапа. – Но не лучше ли так, чем терять людей вроде того же Пети Маленького.

Скулатый уже открыл было рот, намереваясь ответить бывшему тверскому домушнику, но в этот момент с улицы донеслось несколько одиночных выстрелов. После секундной паузы грянуло еще три, но теперь уже совсем близко. Потом все затихло. Скулатый напрягся, и рука его машинально скользнула в правый карман широких штанов. Мысль о том, что он сам распорядился никому из уркаганов не приносить с собой в «Фортуну» оружие, пришла чуть позже. Негоже было являться на поминки с волынами. Старый казанский авторитет посчитал, что оставленных на улице вооруженных храпов будет достаточно для их безопасности. Расчет оказался в корне неверным.

Дверь в трактир резко распахнулась, и за считанные секунды в помещение набилось никак не меньше полутора дю-

жин вооруженных жиганов.

– Сидеть! Грабли на стол!

Аякс нервно дернулся, но один из налетчиков быстро успокоил его, обрушив сокрушительный по силе удар рукояткой «нагана» по темечку. Уркач рухнул на пол, и жиган для пушей гарантии придавил его горло подошвой сапога.

Глаза Скулатого налились злобой.

– Вечер добрый, господа уркаганы, – бодрый жизнерадостный голос с порога заставил всех вновь обернуться в сторону выхода.

Оружия в руках шагнувшего вперед Рекрута не было. Пройдя к столу, жиган демонстративно остановился за спиной Скулатого. Окинул долгим пристальным взглядом каждого из казанской воровской элиты. В зале повисла напряженная тишина. Уркачи коротко переглядывались между собой, не зная, что следует предпринять в данной ситуации, а на устах жиганов играли победоносные улыбки.

Рекрут раскрыл золоченый портсигар, вынул из него одну папиросу и неторопливо раскурил ее.

– Рад, что вы все сегодня в сборе, – пафосно произнес он, бросая спичку в пустой стакан Скулатого. – Именно на это я и рассчитывал. Потому как пришел я сюда мирно побеседовать с вами.

– Мирно? – вскинулся Оглобля. – Что-то непохоже.

– А ты раскрой глаза пошире, – парировал Рекрут. – Присмотришься, Оглобля, присмотришься. Мы же никому не угрожа-

ем, не шмаляем ни в кого почему зря. Да, не скрою, господа, нам пришлось завалить ваших верных храпов на улице. Но у нас не было иного выбора. Шибко уж видок у них был несговорчивый. Зато у вас, как я вижу, вполне соответствующие для переговоров лица.

– Чего тебе нужно, Рекрут?

Заметив, что с самого момента вторжения жиганов Скулатый не раскрывает рта, Оглобля взял на себя функции переговорщика. В конце концов, кто-то должен был сделать это.

– Я хочу избежать войны с вами. Хочу, чтобы вы признали, господа, что ваше время прошло. Как это ни прискорбно – для вас. Но нужно уметь проигрывать с достоинством. Вы признаете меня полноправным хозяином в Казани, и я гарантирую вам, что никто более из вашей кодлы не пострадает. За некоторым исключением, конечно, – многозначительно добавил Рекрут.

Он, не глядя, протянул руку в направлении стоящего рядом с ним Солоуха, и тот, как по команде, вложил в ладонь соратника свой «наган». Рекрут приставил дуло к затылку Скулатого и хладнокровно спустил курок. И тут же шагнул назад, как заправский матадор, только что исполнивший самый сложный трюк с бандерильей. Кровь брызнула на белоснежную скатерть. Старый уркаган ткнулся лицом в стол. Его руки безжизненно повисли вдоль тела.

Рекрут вернул наган Солоуху и прошелся вдоль стола, попыхивая зажатой в зубах папирсой.

– Я хочу, чтобы вы просто знали, кто теперь здесь за старшего, – продолжил он с прежними миролюбивыми интонациями. – В корне для вас ничего не изменится, господа уркаганы. Вы будете работать так же, как работали прежде. За исключением самой малости. Я должен быть в курсе каждой вашей операции и размере предполагаемого навара. А также вам надлежит отчислять мне процент с каждого такого дела. Небольшой. Скажем, третью часть.

– Третью часть? – Оглобля с трудом оторвал взгляд от бесчувственного тела Скулатого и поднял голову. – А морда у тебя не треснет, Рекрут?

Вместо ответа жиган коротко кивнул одному из своих соратников, и тот, не целясь, выстрелил от бедра. Пуля угодила Оглобле в шею. Он схватился руками за рану, попытался подняться на ноги, но сил на такой подвиг не хватило. Пошатнувшись, он опрокинулся на спину, и его тело забилось в предсмертной конвульсии.

– Кто-нибудь еще считает так же, как Оглобля? – спросил Рекрут.

Присутствующие за столом промолчали. Жиган самодовольно осклабился.

– Прекрасно, господа. Я рад, что вы проявили понимание в отношении моего предложения. Надеюсь, впредь у нас с вами не возникнет никаких разногласий.

– Третья часть с навара – это справедливо, – выдавил из себя Лапа.

– Я тоже так думаю, – Рекрут остановился рядом с ним и дружески похлопал бывшего домушника по плечу. – И раз мы обо всем договорились, я не вижу смысла и дальше злоупотреблять вашим драгоценным вниманием. А посему разрешите откланяться.

По его команде жиганы опустили оружие и потянулись к выходу из «Фортуны». Сам Рекрут вышел в числе последних.

* * *

Москва. Хитров рынок

– Рекрут? – переспросил Графин, откладывая в сторону лупу и мягким движением закрывая шкатулку. – Что там опять с этим Рекрутом? Я же лично сказал Скулатому, что...

Митяй не дал ему закончить фразу.

– Скулатый мертв, – спокойно произнес он.

– То есть как мертв? Почему?

Митяй, сняв шляпу, повесил ее на спинку стула, затем расстегнул пальто и сел. Соседнее с ним место занял Леший, крепкий мужик с массивным квадратным подбородком и слегка свернутым на бок носом. Третий визитер, разодетый так же щегольски, как и Митяй, и с которым Графин познакомился лишь после своего возвращения в Москву, остался стоять на фоне дверного проема.

– Они поминали одного из своих людей, когда во главе многочисленной кодлы появился Рекрут. Ему даже не успе-

ли оказать сопротивления. Скулатого застрелили на глазах у всех остальных. Затем точно так же пришили и его верного соратника Оглоблю. Рекрут поставил казанским «иванам» жесткие условия. Работать под ним и отстегивать третью часть с навара...

– Вот как? – перебил Митяя Графин. Откинувшись на спинку дивана, московский авторитет и думать забыл о той бриллиантовой броши, изучением которой он был занят всего пару минут назад. – Да кем он себя возомнил?

– Он объявил себя хозяином Казани, – ввернул Леший, блеснув передним золотым зубом.

На лбу Графина угрожающе вздулись вены. Его поза осталась прежней, но Митяй догадывался, какие страсти бушевали сейчас в груди авторитетного уркача.

– Вот бисова душа! – хлестко бросил Графин сквозь плотно стиснутые зубы. – Он еще не знает, с кем связался! Отчаянный малый, даром, что жиган, как вы их называете. Даже жаль будет кончать такого. Но я обещал оказать Скулатому поддержку. Слово есть слово, хотя оно покойному нынче и без надобности, – мягкими неторопливыми движениям он развязал кисет и принялся набивать кривую турецкую трубку. – Отправь в Казань парочку наших людей, Митяй. Я полагаю, Платон и Кучер вполне справятся с этим делом. Пусть отыщут Рекрута и по-тихому кончат его. Без лишних жертв.

Митяй откашлялся, привлекая внимание Графина. Трубка у того уже была набита, но поднести к ней спичку он не

успел. Так и замер, взглянув на соратника исподлобья.

– Что еще?

– Я могу высказаться, Графин?

– Говори, коли есть что сказать.

– Ситуация с Рекрутом, как клубок, – Митяй любил говорить витиевато и начинал всегда издалека. – Потянешь чуть за ниточку, и придется потом отматывать до бесконечности. Не он, так кто-то другой появится. А потом вся эта жиганская волна и другие губернии охватит. Нам же достаточно и того разброда, что здесь, в Москве, творится.

– Я не понял, – нахмурился Графин. – Что ты предлагаешь? Не вмешиваться в казанские дела?

– Ну, почему же не вмешиваться? – Митяй пожал плечами и коротко переглянулся с молчаливым Лешим. – Вмешаться можно, но стоит ли вот так, по-тихому, как ты выразился, валить Рекрута.

– А что с ним делать?

– Может, стоит потолковать с ним? Он, конечно, без царя в голове, но, как я слышал, у этих жиганов тоже свой кодекс чести имеется. Договоримся с Рекрутом полюбовно, вразумим его. Дескать, пусть сбавит обороты, да пыл свой слегка поумерит. А в остальном... Хочет он владеть Казанью, пускай владеет. Нам сейчас главное, чтоб порядок держался. А рука у Рекрута сильная, волевая. Противостоять силам ЧК, я думаю, ему вполне по силам.

Графин раскурил наконец трубку. Густые клубы дыма по-

тянулись к высоким, отделанным лепниной потолкам. Стоящая на столе свеча совсем расплавилась, превратившись в жалкий огрызок, и почти не давала света. Электричеством Графин по старинке предпочитал не пользоваться, и Митяй чувствовал себя неудобно в этом гнетущем полумраке.

– Как я понял, жиганы – разношерстная публика, – произнес авторитет, не столько отвечая на слова соратника, сколько обращаясь к самому себе. – Разве нет?

– Все правильно, – вновь неожиданно вклинился в их дискуссию Леший. – Среди них кого только нет, Графин. Даже политические, говорят, попадают. Контра, одним словом.

Митяй недовольно поморщился.

– И где ты таких словечек чекистских набрался?

Вместо ответа Леший скорчил выразительную гримасу. Пламя гаснущей свечи отражалось в его маленьких, глубоко посаженных глазках. С возвращением Графина Леший утратил часть авторитета в московской воровской среде, к которой успел привыкнуть за минувшие годы. У него зародилось множество новых идей, и к реализации некоторых из них Леший успел даже приступить. А теперь весь процесс затормозился. Приходилось кое-что откручивать назад. И вновь набирать вес. Но уже в глазах Графина.

– Мысль твоя интересна, Митяй, – продолжил тем временем вчерашний каторжанин, перекатывая трубку из одного уголка рта в другой. – Но как можно решать что-то с такой разношерстной публикой. Сегодня они тебе скажут одно, а

завтра поступят совсем иначе.

– Вот и будем смотреть по обстоятельствам.

– А ежели Рекрут сразу примет наше предложение в пику?

Митяй развел руками.

– Тогда валить по-тихому. Как ты сразу и предлагал. Но прощупать вариант можно. Что мы теряем?

Свеча погасла, и Графин, склонившись вперед, зажег вместо нее другую. Тени заплясали на стенах с удвоенной силой. Графин взял шкатулку и сунул ее в карман своего просторного шелкового халата. Митяй заметил этот жест, и он заметно покоробил его. Прежде Графин никогда не вел себя так в присутствии верных соратников. А сейчас он словно не доверял им. Или это произошло бессознательно?

– Хорошо, – согласился авторитет после небольшой паузы. – Будь по-твоему, Митяй. Но все равно отправь в Казань Платона и Кучера. Пусть выяснят, что там и как. Встретятся с Рекрутом, потолкуют. А дальше разберутся по обстоятельствам. Ребятки они смышленные.

– Не сомневаюсь, – Митяй пригладил двумя пальцами тоненькие усики. – Я сегодня же встречу с ними и обрисую ситуацию. Думаю, завтра утром они смогут выехать в Казань.

– Добро.

Митяй поднялся со стула, его примеру последовал и Леший. Однако Графин негромко окликнул последнего, и Леший вынужден был обернуться.

– Задержись на мгновение. У меня есть к тебе разговор.

Графин вынул изо рта трубку и положил ее на краешек старинной бронзовой пепельницы. Леший покорно опустил-ся на прежнее место. Митяй и второй его щегольски наря-женный поделщик покинули комнату.

– Что-то стряслось? – Леший не ждал ничего хорошего от разговора с вернувшимся с каторги авторитетом.

– Стряслось, – сдержанно ответил тот. – Или может стра-стись, если мы не примем своевременных мер. Мне не нра-вится то, что происходит с Митяем. Когда я знал его раньше, он был совсем другим. Но сейчас в нем многое изменилось. Расскажи мне о нем.

– Что рассказать?

– Все, что сможешь припомнить. Чем он жил последние годы, чем занимался.

Леший облегченно перевел дух. Благо дело, Графина ин-тересовала подноготная Митяя, а не его.

* * *

Казань. Майдан Кудерметовой на Винной

– Вот.

Лапа с глухим стуком поставил саквояж на стол и только после этого позволил себе опуститься напротив аппетитно уплетающего утку под ананасами Рекрута.

Жиган не прервал своей трапезы. Лишь мельком взглянув на саквояж, он подал знак Резо, и тот, подавшись вперед,

щелкнул замками. Вывалил содержимое саквояжа на стол. Туго перетянутые бечевкой пачки купюр образовали внушительного размера горку. Две из них сорвались с края стола и упали на пол. Резо нагнулся и поднял их. Расположившиеся за соседними столиками жиганы любопытно вытянули шеи, но Рекруту достаточно было повернуть голову в их сторону, и интерес к принесенному уркачом саквояжу мгновенно угас.

– Сколько здесь?

– Третья часть с общего наvara, – избегая встречаться с жиганом глазами, Лапа взял зубочистку и стал сосредоточенно вычищать ею грязь из-под ногтей.

– Я не спрашивал, какая это часть, – Рекрут повысил голос. – Я спросил, сколько здесь.

– Триста тысяч.

– Маловато. Тебе так не кажется, Лапа?

Резо уже срезал ножом одну из бечевки и принялся пересчитывать купюры, ловко и сноровисто действуя тренированными пальцами. Уловить его движения было сложно даже для такого наметанного глаза, каким обладал бывший домушник, переквалифицировавшийся в каталу. Лапа не мог не оценить профессионализма жигана.

– Это все, что удалось собрать на данный момент. Деньки выдались не шибко удачными. Ты же знаешь, как это бывает, Рекрут. Сегодня – густо, завтра – пусто. Аякс сказал, что к концу недели будут еще деньги.

– Откуда? – глаза жигана блеснули азартом.

Лапа заколебался, но в итоге решил, что раз вопрос уже задан, на него требуется ответить. Иначе подозрения Рекрута возрастут еще больше. А он и так-то до сих пор не проникся к ним полным доверием.

– В среду в казначейство должны доставить крупную сумму денег...

Пальцы Резо замерли. Рекрут оторвался, наконец, от утки и совсем иначе взглянул на собеседника. От этого взгляда слова застряли у Лапы в горле.

– Аякс планирует налет на казначейство?

В голосе жигана звучал неприкрытый сарказм. Даже при всей его природной бесшабашности ему ни разу не приходило в голову осуществить подобную наглость. Охрана при казначействе была такая, что даже если налетчикам удастся осуществить задуманное, потери окажутся несоизмеримыми. Рисковать своими жиганами Рекрут не собирался. Хотя кусочек был лакомым.

Лапа покачал кудлатой головой.

– Нет. Деньги повезут поездом. В золотых монетах. У Аякса есть свой человек при железной дороге. Иначе нам никак не узнать бы о подобной okazji, – уркаган расплылся в улыбке, словно это он сам спланировал предстоящую операцию. – Информация засекреченная. А потому и охрана будет никудышной. Человек Аякса с железной дороги сказал, человек пять или шесть красноармейцев.

– Это немало, – вставил Резо.

– Немало, – живо согласился Лапа. – Но нападения-то они никак не ожидают. Аякс уже все обмозговал до тонкостей. Завтра ночью по прибытии поезда будет брать золотишко. И навар будет богатый, Рекрут.

– Могу себе представить, – жиган решительно отодвинул от себя тарелку с недоеденной уткой и потянулся в карман пальто за папиросами. – Только ты передай Аяксу, чтобы он не суетился. Я со своими жиганами сам возьму этот поезд. Завтра ночью, говоришь?

Лапа опешил.

– Как же так, Рекрут? У Аякса ведь все готово. Честь по чести...

– Плевать мне на Аякса! – жиган чиркнул спичкой, и пляшущее пламя озарило его сухощавое, покрытое легкой щетиной на щеках и подбородке лицо. – И на все его подготовительные работы плевать! Аякс подчиняется мне, а не я Аяксу. Или ты забыл об этом, Лапа?

– Нет, я...

– Вот и славно. Передай ему, что поезд с казначейским золотом я возьму сам. Со своими жиганами. А вы, – палец Рекрута так резко и стремительно ткнулся в грудь уркагану, что тот невольно отпрянул. – Можете считать, что на этой неделе ничего больше не должны. И я готов простить лично тебе, Лапа, те суммы, на которые ты обставляешь меня со своих игр. Но только на эту неделю. Понял? Или ты думал, я

не знаю, на сколько ты раскатываешь клиентов по майданам?

Лицо бывшего тверского домушника было бледнее простыни. Он кусал себе губы и корил сам себя за несдержанный язык. Осведомленность Рекрута относительно его дел не шибко беспокоила Лапу. Здесь он уж как-нибудь выкрутится. Не впервой. А вот Аякс за историю с поездом с него точно три шкуры сдерет. В эту минуту Лапа принял для себя лично единственно верное решение. Бежать. Отправить Аяксу сообщение Рекрута запиской, а самому бежать. Хотя в ту же Москву, под крыло авторитетных воров, хоть еще куда, но оставаться в Казани Лапе никак не следовало.

– Я... Я передам... – пролепетал он.

– Обязательно передай. Что еще? Есть что-то, что мне нужно знать?

Терять Лапе уже было нечего.

– На следующей неделе приходит контрабандный товар из Турции. Тот, что Хасан Ибрагимов возит. Партия хорошая, и я знаю, что Аякс не собирается договариваться с Ибрагимовым. Он решил порешить Хасана и увести весь его товар. У Аякса уже и перекупщик хороший на примете есть.

– Опять Аякс, – недовольно протянул Рекрут, и на его лице появилось задумчивое выражение. Он покусал краешек папиросы зубами. – Мне не нравится его бурная деятельность. Он теперь у вас за «ивана», что ли?

– Да ты что, Рекрут? – поспешнее, чем следовало бы, открестился уркаган. – Какие «иваны»? Бог с тобой! Ты же зна-

ешь, вся Казань под тобой. И никто супротив не поперет. Ни Аякс, ни кто-либо другой. Как на духу говорю.

– Верю. Но Аякс ваш мне все равно не нравится. И московским вора́м он на меня капнул, как я слышал. Не так скажешь?

– Он не капнул, – узкий ворот как-то слишком сдавил горло, но Лапа не решался поднять руку даже для того, чтобы поправить его. В помещении было до крайности душно, и Лапа мечтал поскорее оказаться на свежем воздухе. И как можно дальше от Рекрута. – Он просто сообщил им... О смерти Скулатого сообщил. Он обязан был это сделать.

Слушая жалкие оправдания сидящего напротив уркача, Рекрут краем глаза заметил, как в дверном проеме появилась нескладная фигура Паленого. Взгляд соратника показался жигану каким-то потухшим. Не было в нем присущей Паленому искорки. Да и выглядел он на удивление тверезым.

Пошарив глазами по столикам, Паленый заметил Рекрута и приветственно махнул ему рукой. Рекрут качнул головой в ответ.

– Хорошо, – сказал он, обращаясь к Лапе. – С Аяксом я разберусь позже. А коли дознаюсь, что он за моей спиной воду мутит, отправлю на свидание со Скулатым и Петей Маленьким. Можешь ему так и передать. С Ибрагимовым со своим пусть сам разбирается. Меня это не волнует. А насчет поезда с казначейским золотишком пусть затухнет. Не по зубам ему такая операция. Пересчитал, что ли?

Рекрут слегка повернул голову к Резо. Грузин как раз бросил в саквояж последнюю пачку денег и коротко кивнул.

– Все в порядке, Рекрут. Как в банке. Триста тысяч.

– Я так и сказал, – Лапа продемонстрировал жиганам вымученную улыбку. – Разве ж я буду врать?

Рекрут устало махнул рукой. Персона тверского домушника перестала его интересовать. Все, что он хотел от него получить, он получил.

Лапа понял этот жест именно так, как и полагалось. Нахлобучив шапку, он поднялся из-за стола.

Паленый тем временем уже обменялся бодрими репликами со многими из присутствующих на майдане, похлопал Кудерметову по пухлому заду и заказал себе бутылку дорогого вина. Хозяйка сама сбегала в подвал и принесла жигану заказанный им напиток. Перехватив бутылку за горлышко и покачивая ей на весу, Паленый двинулся по узкому проходу к столику, за которым сидели Резо и Рекрут. От бывшего мрачного настроения, с каким молодой жиган появился на майдане, не осталось и следа. Но Рекрут невольно нахмурился. Уж больно старательно Паленый бодрился, как ему показалось.

Резо опустил саквояж на пол.

– Чего ты сияешь, как пятиалтынный? – грузин первым обратился к Паленому, когда тот занял освободившееся после ухода Лапы место за столиком. – И где пропадал так долго? Что-то тебя не видать нигде было.

Паленый разлил вино по стаканам.

– К тетке ездил. В деревню. На три дня.

– На сельскую жизнь потянуло?

– Да не, – когда Паленый поднял стакан, рука его слегка дрогнула, и несколько капель грязно-красной жидкости упало на пальцы. – Зазноба у меня там живет. Горячая бабенка, скажу я тебе, Резо. Не чета всем этим марухам, – жиган сделал неопределенный жест рукой, видимо, имея в виду тех самых девиц, что в данный момент присутствовали на майдане у Кудерметовой. – Если будет желание, можем в следующий раз вместе съездить. Познакомлю. На пару и поелдачим. Как думаешь?

Предложение явно пришлось Резо по душе. Он даже как-то приосанился весь, выпятил грудь колесом, а затем поправил воротник кожаной куртки. Незаурядная внешность Паленого способствовала тому, что возле него всегда крутились знатные девицы. Не в смысле социального положения, а в смысле особо приятной наружности.

– Вам что, кроме как о бабах поговорить не о чем? – задавая этот вопрос, Рекрут в упор смотрел на Паленого из-под полуопущенных век.

Молодому жигану такой взгляд совсем не понравился. Вино словно встало поперек горла. О шестом чувстве Рекрута, благодаря которому ему не раз удавалось с равным успехом как избегать чекистских облав, так и распознавать измену, в жиганской среде слагались легенды. Неприятный пре-

дательский холодок побежал у Паленого вдоль позвоночника. Мысль о том, что Рекрут каким-то непостижимым образом догадывается о его сговоре со Сверчинским, не оставляла Паленого ни на секунду. А с другой стороны, перед мысленным взором жигана так же неумолимо вставал образ его престарелой матушки, находящейся сейчас где-то на попечении чекистов. Ее судьба напрямую зависела от действий самого Паленого. И он намерен был постараться.

– А о чем еще базарить? – Резо находился в приподнятом настроении.

– Хотя бы о том, что нам предстоит завтра.

– А что завтра? – как можно беспечнее поинтересовался Паленый.

Рекрут улыбнулся.

– По делу соскучился на деревенских-то харчах? Понимаю, Паленый, понимаю. Мять рукоятку «нагана» не менее приятно, чем женские прелести. Это я и по себе знаю. – Новоиспеченный хозяин Казани смял окурочек в пепельнице и только теперь потянулся к стакану с вином. – А суть нашего разговора вот в чем. Лапа только что рассказал нам об одном выгодном дельце. Завтра к нам из столицы прибывают казначейские денежки. В золотых монетах. Сопровождают столь ценный груз шестеро красноармейцев. Но куда их шести винтовкам против нашей дюжины «наганов» и револьверов. Положим их всех на платформе и уйдем с хорошим наваром. Что скажешь, Паленый? Поучаствуешь?

– Спрашиваешь! – словоохотливость Рекрута и его открытость подкупили молодого жигана. Все прежние страхи и опасения как рукой сняло. Паленый и не чаял так быстро исполнить просьбу Сверчинского. Видать, фарт был на его стороне. – Когда я от стоящего дела отказывался? Тем более, раз ты сам за это берешься, Рекрут. Где ты – там удача. Это уж по всему проверено. А во сколько поезд-то прибывает?

– А почему ты спрашиваешь? – изумился Рекрут. – У тебя встречи какие-то на вечер намечаются?

Паленый мгновенно осознал свой прокол. Правый глаз его нервно дернулся, и он поспешил вновь пригубить вино, в расчете совладать с собственными чувствами.

– Да нет у меня никаких дел, – сказал он после небольшой паузы. – Просто, чтобы знать. Ну, подготовиться же нужно успеть.

– Так ты можешь прямо сейчас и начинать. Выпить с ребятами для храбрости. Или еще что там тебе требуется.

Паленый нервно засмеялся.

– Выпить – это я не против. Винца вот, например. А то в деревне что за пойло? Один самогон сивушный.

Он посидел для виду за столиком Рекрута еще минут пять, а затем, слегка захмелев, двинулся в противоположный конец зала, где под общий гам и веселье шла ожесточенная игра в карты. Рекрут проводил Паленого долгим наряженным взглядом.

– С тобой все в порядке? – тяжелая рука Резо опустилась

на плечо друга. – Что-то ты стал мрачнее тучи.

– Со мной-то все нормально, – ответил Рекрут, не поворачивая головы. – А вот он мне не нравится.

– Кто?

– Паленый. Странно, но у меня какое-то нездоровое предчувствие зародилось. Еще как только он вошел. Лицо у него неестественное.

– Ты дуешь на воду, – небрежно отмахнулся Резо.

– Хотелось бы верить. Но ты же знаешь, как редко меня обманывает чутье.

Грузин вынужден был призадуматься. В том, что говорил Рекрут, бесспорно, было зерно истины. Хваленая интуиция отчаянного жигана не раз и не два спасала жизни им обоим. И Резо привык доверяться этому внутреннему голосу приятеля не меньше, чем сам Рекрут.

– Ну, допустим, с ним что-то не так, – он тоже глянул в спину сидящего теперь за карточным столом Паленого. – Но что?

– Не знаю. Пока не знаю.

– Тогда на кой черт, извини меня, ты рассказал ему про налет на поезд с казначейским золотишком?

– Ты тоже заметил его странную реакцию? – Рекрут наконец повернулся к нему лицом.

– Нет. Ничего я не заметил. Я лишь спросил тебя...

– Сделаем так, – решительно оборвал фразу соратника Рекрут. – Я хочу, чтобы ты приглядел за ним, Резо.

– За Паленым? Ну, хорошо. И как долго?

– Сегодня вечером, ночью и главное – завтра утром. Я хочу знать, куда он подастся, с кем будет встречаться, с кем разговаривать. Включая марух. Понял?

– Ладно, сделаю, – большого энтузиазма в голосе Резо не было. Он предпочел бы проводить время куда веселее, нежели таскаясь по городу за Паленым почти сутки. – Хотя, сдастся мне, на этот раз твое хваленое чутье собирается подложить тебе свинью. Прежде у нас не возникало повода сомневаться в Паленом. И его поездка в деревню еще не повод...

– А ты уверен, что он был в деревне?

Резо предпочел оставить этот вопрос без ответа. Переубедить Рекрута сейчас не представлялось возможным. Опять же, один из тех случаев, когда тот уверен в своей правоте. И уверенность эта непоколебима.

– Я присмотрю за ним.

* * *

Казань. Площадь Московского вокзала

Крупная широкоплечая фигура отлепилась от стены и двинулась навстречу прибывшим. Станционный смотритель трижды подал сигнал колокольчиком, и поезд, с каждой секундой набирая обороты, тронулся с места.

– Вы от Графина?

Широкоплечий остановился рядом с Платоном, но смот-

рел не на него, а поверх его головы. Руки казанского уркагана были заложены за спину, и при каждом слове он слегка покачивался на носках хромовых сапог. Платон смерил его пристальным взглядом с головы до ног. В своем представлении московский вор видел встречающего совсем иначе. Мускулистая фигура казанца совершенно не сочеталась с его маленькой головой, казалось, сросшейся с бычьей шеей. Волосы коротко острижены, мясистый нос слегка свернут на бок. И глаза... Больше всего во встречающем Платону не понравились его глаза. Слишком уж неестественно прозрачными они выглядели. Будто стеклянные.

– Аякс? – на всякий случай осведомился москвич.

Казанец кивнул.

– Идемте за мной, – по-деловому бросил он и, тут же развернувшись, размашисто зашагал по привокзальной площади. – Экипаж уже ждет нас. И с номерами я тоже договорился. Будете жить в «Глассоне». У меня есть там надежный человек. Так что никто не станет задавать лишних вопросов.

Платон перехватил саквояж левой рукой, а правую сунул в карман длинного модного пальто. Пожав плечами, он двинулся за Аяксом. Шествие замкнул Кучер, молодой паренек, одетый под гимназиста минувшего столетия, до сих пор не проронивший ни слова. Весь багаж последнего, с которым он прибыл в Казань, составлял компактный футляр для скрипки. Ни дать ни взять, выпускник консерватории.

Аякс свистнул, подзывая экипаж. Затем остановился по-

среди площади и еще дважды качнулся на носках.

– Когда мы сможем увидаться с Рекрутом? – Платон подался вперед, и его губы почти соприкоснулись с мочкой уха казанского уркача.

Аякс резко обернулся.

– Я донесу до него известие о вашем прибытии прямо сегодня. Может быть, встречу удастся организовать уже вечером.

– Так Рекрут не знает?

– О чем?

– О том, что мы должны были приехать?

Некоторое время Аякс молча и сосредоточенно смотрел в глаза Платону. Затем опустил взгляд ниже и сфокусировал его на саквояже москвича. Правая ноздря на свернутом носе как-то угрожающе раздулась.

– Нет, – ответил он наконец. – Я посчитал, что так будет лучше. У Рекрута не будет много времени на то, чтобы подготовиться.

– Вообще-то, мы хотели с ним только поговорить, – счел нужным напомнить Платон.

– Я это и имел в виду.

Экипаж остановился перед ними, и Аякс отодвинулся в сторону, предлагая гостям сесть первыми. Платон не стал возражать. Подобрав полы пальто, он ступил на подножку. Следом за ним в экипаже разместился и Кучер. Бережно поставил скрипичный футляр себе на колени и обхватил его

обеими руками. Аякс занял место напротив.

– Трогай! – бросил он, обращаясь к вознице. – В «Глассон».

В дороге никто из трех пассажиров не проронил ни слова. Возница не торопился, а потому тряски в экипаже практически не ощущалось. Две пегие лошадки, управляемые уверенной рукой, бодро трусили по широким казанским мостовым. Платон поглядывал по сторонам, невольно отмечая для себя каждую деталь незнакомого города. Взгляд Кучера был устремлен под ноги. Он был больше похож на мраморное изваяние, нежели на живого человека из плоти и крови. Сходство со скульптурой довершала бледность его кожи.

Аякс нервно покусывал губу. С прибытием московской делегации он связывал очень большие надежды. Все должно было вернуться на круги своя...

Экипаж замер.

– Приехали.

Нумера в «Глассоне» казанский уркаган действительно забронировал для гостей хорошие. Платон, пройдясь по комнатам и то и дело характерно покачивая головой, остался доволен. Кучер не выразил никаких эмоций. Определив футляр в платяной шкаф, он разместился в одном из глубоких кресел, подхватил газету с журнального столика и развернул ее на второй странице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.